

Г А Л Л Е Р Е Я
ГРАВИРОВАННЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ
ГЕНЕРАЛОВЪ, ОФИЦЕРОВЪ, и проч.
КОТОРЫЕ
МУЖЕСТВОМЪ СВОИМЪ, ВОИНСКИМИ ДАРОВАНИЯМИ,
ИЛИ
ЛЮБОВІЮ КЪ ОТЕЧЕСТВУ СПОСПѢШЕСТВОВАЛИ
УСПѢХАМЪ РОССІЙСКАГО ОРУЖІЯ
ВЪ ТЕЧЕНІИ ВОЙНЫ НАЧАВШЕЙСЯ
1812 года.

ТЕТРАДЬ.

GALERIE

DES PORTRAITS GRAVÉS

DES GÉNÉRAUX, OFFICIERS, etc.

QUI, PAR LEUR VALEUR,

LEURS TALENS MILITAIRES ET LEUR PATRIOTISME,

ONT CONTRIBUÉ AUX SUCCÈS DES ARMES RUSSES,

PENDANT LA GUERRE COMMENCÉE EN 1812.

3me CAHIER

ST.-PÉTERSBOURG,

DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMPAGNIE.
1813.

50
30

P.^a de Rossi del.

J.^o Vendramini sculp.

*Муромовъ,
Генералъ ордъ Императорскаго*

*Милорадовичъ,
Генералъ д'Инфантеріе.*

Published October 1816 by J. Vendramini N° 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ ОТЬ ИНФАНТЕРІИ

ГРАФЪ МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ

МИЛОРАДОВИЧЪ

ГРАФЪ МИХАИЛЬ АНДРЕЕВИЧЪ МИЛОРАДОВИЧЪ, Генераль отъ Инфантеріи, командующій Гвардейскимъ корпусомъ, и находящійся при особѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Кіевскій Военный Губернапоръ, Кавалеръ всѣхъ орденовъ Россійскихъ; Австрійскихъ. Командоръ военнаго Маріи Терезіи и Св. Леопольда 1 го класса, Прусскихъ Чернаго и Краснаго Орла, Баварскаго Св. Максимиліана 1 й степени, Сардинскихъ Св. Маврікія и Лазаря 1 класса, Баденскаго вѣрности большаго Креста и Св. Іоанна Іерусалимскаго Командоръ, имѣеть двѣ шаги украшенныя алмазами, одну съ надписью *за храбрость и спасеніе Бухареста*, а другую съ лаврами.

Родился въ 1770 году, вступилъ службу Лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ Подпрапорщикомъ въ 1780 году, произведенъ Прапорщикомъ въ 1786 году, Подпоручникомъ въ 1790, въ 1796 Капитаномъ, въ 1797 Полковникомъ, того же года Іюля 27 переведенъ по арміи Генераль-Маіоромъ и назначенъ Шефомъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка въ 1805 году Генераль-Лейтенантомъ, въ 1808 Генераломъ отъ Инфантеріи.

Милорадовичъ, родясь Русскимъ, любитъ отечество всею душою; предки его, хотя чуждые сей земли, подали ему въ томъ примѣръ. Одинъ изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, собравъ 20,000 единоплеменниковъ подъ свое начальство вооружилъ ихъ на свой щепъ, и вывелъ для вспоможенія Русскимъ въ войнѣ противъ Турокъ. Въ знакъ признательности къ его заслугамъ, ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I ѣ пригласилъ его поселиться въ Россіи и наградилъ его обширными владѣніями въ Малороссіи. Примѣръ предка воспламенялъ съ молодыхъ лѣтъ въ душѣ Милорадовича благородное соревнованіе. Онъ по справедливости полагалъ, что для достиженія сего примѣра, онъ долженъ неменѣе его оказать услугъ и поклялся съ тѣхъ поръ ревностно въ службѣ Россіи, воздасть долгъ благодарности, подтверждаемой чувствомъ обязанности жертвовать признательному отечеству всѣми своими силами. Онъ былъ Генераль-Маіоромъ и Шефомъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, когда, подъ командою Генерала Розенберга, выступилъ въ походъ, чтобы совершить въ Италіи противъ Французовъ, ту знаменитую кампанію, которая одна поставила Суворова въ число знаменитѣйшихъ воиновъ всѣхъ вѣковъ. По прибытіи въ Бриннъ въ Моравіи, Милорадовичъ командовавшій тогда бригадою, получилъ отъ Императора Австрійскаго, за маневры, совершенные въ присутствіи сего Монарха, табакерку съ его вензелемъ. Вскорѣ прибылъ Суворовъ, сообщилъ всѣмъ войскамъ духъ бодрости, и ускорилъ быспрый ходъ ихъ. Милорадовичъ не замедлилъ сдѣлаться извѣстнымъ и оплечиться отъ прочихъ. Непрiятельскія дѣйствія начались, и при первомъ случаѣ, оправдалъ онъ лестное мнѣніе, которое о немъ имѣлъ величайшій въ свѣтѣ воинъ. Передовые отряды Русскіе дошли до Адды, но разливіе рѣкъ пріостановило ихъ движеніе. Всѣ затрудненія уступили неуспрашимой

рѣку Эчь при Веронѣ переправилъ на судахъ Гренадерской баталіонъ свой; посадилъ его на повозки и опсправилъ по почтѣ къ Суворову, которой, изумясь удивительной быспро-тѣ всего сего дѣла, вышелъ ему на встрѣчу и сказалъ: „Благословляю тебя и твое войско ко славѣ.“ При мѣстечкѣ Лекки, храбрый Баграціонъ, вступилъ въ сраженіе съ неравными силами и послѣ щещнаго усилія всѣми средствами своей храбрости, прошивъ чрезвычайной силы непріятеля, принужденъ былъ уже опспуступить. Милорадовичъ лепилъ ему на помощь, бросается на непріятеля, похищаетъ у него побѣду и уступается всю славу Князю Баграціону, ушверждая, что она одержана начальникомъ авангарда, коего онъ былъ только помощникомъ. Сии были собственныя слова Суворова въ донесеніи ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ Іму. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, пожаловавъ ему орденъ Св. Анны первой степени, наградиъ и воинскіе подвиги и благородное его безкорыстіе. Милорадовичъ перешедъ уже чрезъ рѣку По, услышалъ перестрѣлку на другомъ берегу, и догадался, что тамъ началось важное дѣло. Онъ вовсе не имѣлъ обязанности участвовать въ немъ, но не могъ прошившись движенію ревности, которая его влекла, и чтобы подать помощь сражающимся войскамъ, переправилъ своихъ солдатъ на паромехъ чрезъ По. Прибывши на мѣсто сраженія, очутился онъ въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ; шелъ вездѣ безспрашно на смерть, которая, какъ казалось, на каждомъ шагу готова была его поразить. Одинъ Французскій спрѣлокъ въ него прицѣлился, непріятельской Офицеръ замахнулся на него саблею при лошади были подъ нимъ убиты. Конечно Провидѣніе пеклось о его жизни и онъ избѣгнулъ столь многихъ опасностей. Въ семъ то сраженіи, видя происшедшій въ рядахъ безпорядокъ, онъ схватилъ знамя и закричавъ: „Солдаты! смотрите, какъ умреть Генераль вашъ!“, поскакалъ впередъ.

*

Суворовъ, ревнуя воздасть отличное свидѣтельство славы, копорю Милорадовичъ въ сей день покрылъ себя, объявилъ въ опданномъ приказѣ по Россійской и Австрійской арміямъ: „Русскіе дрались какъ львы, юный Герой мужественный Генераль Милорадовичъ показался и съ нимъ возблистала побѣда! Онъ схватилъ знамя, бросился впередъ, за нимъ Богатыри! . . . и пр. ИМПЕРАТОРЪ, узнавъ о семъ подвигѣ, хотя и не получилъ особаго офіціального извѣстія, пожаловалъ Милорадовича командоромъ Малтійскаго ордена съ пенсіономъ 1000 рублей. Чего не лзя было ожидать отъ молодого воина, копорой при первомъ шагѣ на бранномъ полѣ, явилъ столь великую храбрость и ревность къ службѣ, столь щастливо соединенныя съ великодушіемъ! — Сколько оказалъ онъ услугъ во время сей славной войны! Онъ раздѣлялъ всѣ пруды, всѣ опасности. Всегда являлся первымъ въ сраженіе, находясь въ самыхъ великихъ опасностяхъ; когда онъ велъ свою бригаду на непріятеля или нападалъ на него въ штыки или преслѣдовалъ его и беспокоилъ; вездѣ неутомимая дѣятельность! Вездѣ скорость въ движеніяхъ, и неуспрашимость въ нападеніяхъ! Суворовъ пошелъ на Алпійскія горы для пріобрѣтенія славы, копорой ему еще не доставало: онъ шелъ побѣдить природу. Милорадовичъ велъ его авангардъ. Какія препятствія должно было преодолѣть! Сопротивленіе непріятеля оспаривало на каждомъ шагу самые прудные переходы; неприступныя скалы, пропасти, въ глубину коихъ не лзя было сморѣть безъ ужаса, стремительныя водопады. Ни усталость, ни голодъ, ничто не могло удержатъ Русскихъ. Достигнувъ вершины одной горы, солдаты удивлялись, какъ они туда дошли, и разсуждали между собою, какъ имъ спуститься. Вотъ какъ, опивчалъ Милорадовичъ и топчасъ легши на спину, покапился подъ гору; сей примѣръ понравился солдатамъ и всѣ, подражая своему храброму Начальнику, скапился къ подошвѣ

скалы, гдѣ ихъ ожидалъ непріятель. Милорадовичъ уже собралъ свое войско, и ужаснѣйшее сраженіе начинается. Ничто не могло противустоять, и непріятель побѣжденъ нечаяннымъ нападеніемъ, огнемъ и штыками Русскихъ. Урзеръ-Лохъ взятъ штурмомъ. Опрядъ, имъ завладѣвшій, присоединился къ Суворову и тогда-то былъ совершенъ удивительный переходъ чрезъ Чертовъ мостъ. Непоспѣвшая смѣлость Рускихъ воиновъ должна была выдержатъ испытанія еще ужаснѣе прежнихъ. Въ походъ на Альшдорфъ, ночь ихъ застигла и окружила самую непроницаемою темною, посреди непреступныхъ горъ; предъ ними были бездонныя пропасти; было одно средство перейти чрезъ нихъ, по брошеннымъ поперегъ поодиначкѣ бревнамъ. Малѣйшій неосторожный шагъ стоилъ бы имъ жизни. Милорадовичъ съ своимъ опрядомъ неустрашимо идетъ впередъ. Пропасти пройдены и впревоженный непріятель обращается въ бѣгство, но успѣваетъ зажечь мостъ, чрезъ который онъ пробѣжалъ. Напрасное стараніе: огонь не могъ удержатъ Милорадовича; онъ перешелъ чрезъ горящій мостъ, а козаковъ послалъ въ бродъ. Отличные успѣхи, увѣнчали отважные пруды: непріятель былъ совершенно разбитъ. Милорадовичъ за подвиги сіи награжденъ отъ ИМПЕРАТОРА орденомъ Св. Александра Невскаго.

Въ 1805 мѣ году, Русскіе подъ командою Генерала Голенищева-Кутузова, выступили въ Австрію, для началія снова войны съ Французами. Прибывши въ Баварію, были они принуждены по нѣкоторымъ обстоятельствамъ къ отступленію. Въ ихъ ретирадѣ отъ Браунау до Ольмица, Милорадовичъ командуя бригадою покрылъ себя новою славою; первая стычка была при Ламбахѣ, послѣ которой восплѣдовало сраженіе при Амштетѣ; въ семъ дѣлѣ онъ оказалъ самыя важныя услуги Князю Багратиону, помогши ему выйти съ своимъ аріергардомъ, окруженнымъ Францу-

**

зами. Имѣя подъ командою только 4000 человекъ, двинулся онъ противъ непріятеля, ударилъ на него въ штыки, успоая противъ всѣхъ усилій совокупныхъ войскъ и послѣ шестичаснаго бою остался побѣдителемъ и принудилъ непріятеля отступить. Съ сего времени его опрядъ не оставлялъ аріергарда; непрерывныя сшибки, испорченныя осенними дождями дороги, всегдашніе труды, голодъ и безсонье, были удѣломъ сихъ храбрыхъ воиновъ. Въ сраженіи при Кремсѣ, одномъ изъ знаменитѣйшихъ въ семъ походѣ, онъ былъ первымъ участникомъ въ побѣдѣ и главнымъ лицомъ; нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, знамена и пушки были трофеями сей побѣды. Онъ получилъ за подвиги свои орденъ Св. Георгія 3й степени и чинъ Генераль-Лейтенанта. Государь ИМПЕРАТОРЪ, увидя его послѣ сего, сказалъ, въ присутствіи всей Гвардіи: „вопъ Генераль, которой досталъ себѣ чинъ штыкомъ!“ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО при семъ же случаѣ соизволилъ наградить своею ручною многихъ изъ храбрѣйшихъ солдатъ деньгами, подъ его начальствомъ находившихся, особенно же его полка. Аустерлицкое сраженіе окончило сію короткую, но трудную кампанію. Милорадовичъ ежедневно находился въ огнѣ и отличался твердостью и особеннымъ мужествомъ во всѣхъ опасностяхъ. Вскорѣ послѣ того заключено было перемиріе, и Россійскія войска пошли въ свои границы; по прибытіи въ Россію, храбрый начальникъ Россійскихъ войскъ Голенищевъ Кутузовъ, написалъ къ Милорадовичу, въ сихъ выраженіяхъ доспohвaльное свидѣтельство о его поведеніи въ Италіи и Австріи: „Ваше Превосходительство уже оказали въ обѣ прошедшія войны важныя услуги отечеству: оно надѣется быть свидѣтелемъ еще новыхъ блистательныхъ подвиговъ вашихъ, клонящихся къ пользѣ и славѣ его.“ Мнѣніе Кутузова и надежда Россіи скоро оправдались. Въ 1806мъ году возгорѣлася война въ Молда-

віи. Въ то время, какъ одна часть Россійскихъ войскъ шла за Нѣманъ, чтобы освободить Пруссію отъ нападенія Французовъ; другая вступила въ Молдавію и Валлахію. Милорадовичъ шелъ съ своимъ корпусомъ къ Букаресту. Турки, подозрѣвая жителей Валлахіи въ сообщеніи съ Рускими, поклялись защищать городъ сей до послѣдней крайности, и прежде предасть его и несмѣтное множество народа пламени, нежели уступить Рускимъ. Передовые посты Турецкіе уже истреблены и Рускіе идутъ прямо на городъ. Турки уже готовились подать знакъ для зажженія и кровопролитія; жители пребывали въ страхѣ и надеждѣ, еще нѣсколько времени и Бухарестъ сдѣлался бы обширнымъ кладбищемъ. Милорадовичъ, чувствуя всю крайность сихъ обстоятельствъ и важность времени, не идетъ, а лѣзетъ; съ небольшимъ опрьдомъ опередилъ онъ авангардъ свой, является предъ городомъ и устрашаетъ Турокъ. Онъ нападаетъ, разбиваетъ непріятеля и столичный городъ Валлахіи спасенъ. Но нѣтъ! ужасная бури, которая угрожала его поразишь, пріостановилась только на нѣкоторое время; вскорѣ она возгорѣлась съ новымъ ужасомъ, и не прежде какъ при Обилештѣ совершенно рѣшилось, что клятва Турокъ разоритъ городъ, при стараніяхъ Милорадовича сдѣлалась тщетною. Малочисленные войска Рускія разсыпаны были въ окрестностяхъ Молдавіи и Валлахіи; онъ имѣлъ при себѣ не болѣе четырехъ тысячъ, когда Турки возобновили ужасную брань. Великій Визирь и славный Муспафа Байракшаръ шли на погубленіе города. Оба въ одно время переправились чрезъ Дунай; первый съ восемьюдесятью тысячами при Силистріи; а второй съ тридцатью тысячами при Руцукѣ. Геній разрушенія паритъ еще надъ несчастнымъ Букарестомъ. Милорадовичъ собралъ корпусъ въ пятьдесятъ тысячъ человекъ и форсированнымъ маршемъ пошелъ въ лѣво. Сіе движеніе показало, что онъ ученикъ

Суворова; прошедъ бо верстѣ съ невѣроятною скоростію, на берегахъ рѣки Моспищи близъ селенія Обилешти, 27 Юня 1807 года, встрѣтя Верховнаго Визиря, Милорадовичъ разбилъ его и обратилъ въ бѣгство. Потомъ, едва давъ опомниться своимъ войскамъ, пошелъ назадъ и подъ стѣнами Бухареста нашедъ легкія войска передоваго Турецкаго опряда опразилъ и прогналъ опшуда за двадцать верстѣ до рѣки Арей. Онъ хотѣлъ вступишь въ бой съ Байрактаромъ, но сей, узнавши о пораженіи Визиря, поспѣшно ушелъ за Дунай, и Бухарестъ спасенъ. Благодарность сего города вписала въ лѣтописи и въ сердца всѣхъ жителей имя его Избавителя и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО наградила его золотою шпагою осыпанною алмазами съ надписью: *за храбрость и спасеніе Бухареста*. За всѣ подвиги въ продолженіе сей кампаніи, особенно же за сраженіе при Ражовишѣ получилъ Милорадовичъ чинъ Генерала опъ Инфантеріи. Вскорѣ обстоятельства призвали его къ новымъ должностямъ. Высочайшимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рескриптомъ назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ арміи, коей главная квартира находилась въ Могилевѣ на Днестрѣ; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ получилъ званіе Военнаго Губернапора въ Кіевѣ съ порученіемъ надзиравъ за построеніемъ крѣпостей въ Динабургѣ, Бобруйскѣ и Кіевѣ, и управлявъ Гражданскими дѣлами сей Губерніи. Милорадовичъ провелъ тамъ 1810 и 1811 годы, отличая свое правленіе самымъ благороднымъ безкорыстіемъ и самымъ безприспраснымъ правосудіемъ. Въ 1812 году онъ продолжалъ служивъ отечеству, занимаясь гражданскими дѣлами, съ тѣмъ же ревностнымъ усердіемъ, какое онъ оказалъ въ доспохвальныхъ своихъ воинскихъ подвигахъ. Злой духъ появился у Россійскихъ границъ, ведя съ собою жертвы, набранныя почти изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, на погибель Россіи, опъ которой они могли еще единствен-

но ожидать своего освобожденія. Никогда еще не ощущали Русскіе такой опасности, которая угрожала ихъ славѣ и независимости; никогда не оказывалась столь чудесно ихъ благородная спрость къ славѣ и независимости. Всѣ требуютъ оружія, всѣ умоляютъ опечесство принять въ жертву жизнь ихъ; оно не могло удовлетворить требованіямъ всѣхъ горѣвшихъ желаніемъ идти на брань. Милорадовичъ приобрѣлъ своими заслугами право содѣйствовать въ защищеніи опечесства. По приказанію Государя ИМПЕРАТОРА, онъ оставилъ свою Губернію и по прибытіи въ Калугу, сформировалъ резервные войска. Непріятель уже перешелъ Россійскія границы; гласъ войска и храбрыхъ вождей онаго призвалъ Милорадовича на поле чести. „Здѣсь нѣтъ полка, которой бы не служилъ подъ начальствомъ вашимъ, впереди васъ никто не бываетъ: покажитесь и все останется испребленнымъ! и пр.“ Такъ писалъ бывшій тогда Начальникомъ Штаба Генералъ Ермоловъ къ Генералу Милорадовичу въ Калугу. Главнокомандующій Россійскими войсками Генералъ Барклай-де-Толли просилъ также убѣдительно Милорадовича нарочнымъ письмомъ поспѣшить прибыть къ генеральному сраженію, въ которомъ говорилъ онъ, *единный заключается способъ къ спасенію опечесства*. Онъ получаетъ сіе письмо 12го Августа въ полночь, и до разсвѣта отправляется въ путь, везя и ведя форсированными маршами 15,000 человекъ войска, которое онъ уже сформировалъ. Въ два дни онъ прибылъ изъ Калуги въ Гжатскъ. „Я увѣренъ былъ, (говорилъ Главнокомандующій Барклай-де-Толли въ 2мъ письмѣ своемъ къ Милорадовичу), что въ обстоятельстве сраженія, гдѣ рѣшился участь опечесства, ни горяче васъ къ защитѣ онаго, ни быспрѣ въ принесеніи помощи ему, бытъ никто не можетъ. Здѣсь (продолжаетъ онъ) неизбѣжно уже сраженіе, которое опредѣлитъ участь Государства; здѣсь нужны напряженія всѣхъ усилій,

здѣсь надобно присутствіе ваше!“ Сраженіе единственное въ воинскихъ дѣлописяхъ воспослѣдовало 26 Августа при Бородинѣ. Милорадовичъ командовалъ правымъ крыломъ и центромъ арміи, которая, защищая славу и независимость своего отечества противу двадцати разныхъ народовъ, показала имъ, что хотя она столѣтіями щипается свою славу, но доселѣ еще Русскіе не открывали свѣту всей обширности своихъ силъ, неустрашимости и смѣлости. Милорадовичъ заступилъ мѣсто Князя Багратіона, Главнокомандующаго 2 й арміи, по причинѣ полученной имъ при Бородинѣ смертельной раны. — 29 го по прозвѣбѣ Фельдмаршала Кутузова принялъ онъ начальство надъ аріергардомъ и въ тотъ же день послѣ жестокой битвы одержалъ побѣду. Россія много обязана его храбрости и благоразумію, особенно когда подъ стѣнами Москвы, онъ успѣлъ чрезъ капишуляцію о перемиріи съ Королемъ Неаполитанскимъ опиятъ у Французовъ важную выгоду преслѣдовать Русскихъ, и чрезъ то подалъ способъ вывести раненыхъ и жившихъ такъ какъ и служащихъ скрытъ несмѣнное богатство опъ непріятелей. Со 2 го по 22 Сентября, Милорадовичъ былъ съ аріергардомъ всякой день въ огнѣ, и долженъ былъ иногда выдерживать сильныя сраженія, въ которыхъ взято болѣе 5000 плѣнныхъ, и еще оказалъ арміи большую услугу, прикрывая и защищая оную въ переходѣ опъ Москвы къ Тарушину. Съ 22 го Сентября по 6 е Октября никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило. Въ сіе время, къ величайшему удивленію всей Европы, которой взоры устремлены были на Россію, гордость предприимчиваго врага засыпала, мечтая о пріятной надеждѣ скораго мира, коего условія будущъ имъ предписаны. Между тѣмъ Русскіе шудились въ тишинѣ и старались съ безпримѣрною дѣятельностью, собрать важнѣйшіе способы, дабы показать Бонапаршу при пробужденіи его изъ обманчиваго сна, предуготовленные

ему страшныя и неминуемыя несчастія, постигшія его при опшупленіи, коего повѣспованіе кажется сверхъ-естественнымъ; языкъ человѣческой не имѣетъ силъ, чшобъ сего изобразить, и въ попомствѣ оно покажется почти невѣрояшнымъ. Сіе грозное время настало. 6 го Октябръ Милорадовичъ командовалъ всею Кавалеріею и много содѣйствовалъ къ побѣдѣ и славѣ сего достопамятнаго дня, которой былъ первымъ шагомъ къ освобожденію отечества. Такая же участь ожидала его при Маломъ-Ярославцѣ. Въ шесть часовъ успѣлъ онъ пройши 45 верстъ, подоспѣть во время для подкрѣпленія сражающихся войскъ и раздѣлилъ славу побѣды, которая не оставила непріятелямъ, увѣрившимся въ невозможности сопротивленія, другихъ способовъ кромѣ бѣгства, на которомъ сохранено было ихъ существованіе единственно для того, чшобъ наказатъ ихъ за совершенныя ими до сихъ поръ неслыханныя безчинства и святошества. Милорадовичъ ихъ преслѣдуетъ, достигаетъ и 22 го Октябръ въ окрестностяхъ Вязьмы, принуждаетъ къ сраженію, которое продолжалось цѣлой день и вырываетъ побѣду изъ рукъ 50,000 непріятелей, изъ коихъ 8000 остаются на мѣстѣ убитыми; городъ отъ пламени избавленъ, 30,000 человѣкъ плѣнныхъ, между которыми Генераль Пелешъ, пушки и знамена суть трофеи сей побѣды. Четыре дня спустя взять городъ Дорогобужъ. Опшуда побѣдитель повелъ свой авангардъ неизвѣстными дорогами чрезъ лѣса и болота, обойдя Смоленскъ и опередя непріятелей, чшобы съ ними встрѣшиться при Красномъ. 3 го, 4 го, 5 го, 5 го, 6 го, и 9 го чиселъ Ноябръ поражены корпусы Вице-Короля Ипалійскаго и Маршала Даву, а корпусъ Маршала Нея совершенно истребленъ. Ни одинъ воинъ не увѣнчалъ себя такою славою, какъ Милорадовичъ на поляхъ города Краснаго. Въ шеченіе малаго времени нанесъ онъ важную потерю непріятелю: 15,000 человѣкъ плѣнными, 56 пушекъ, снаря-

*

довъ и великаго множества обозу. Ордена: Св. Равноапостола Князя Владимира 1 й степени и Св. Георгія 2 й степени, коими ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ Вильнѣ его украсилъ, были наградою за пруды подъ Вязьмою и Краснымъ. Въ началѣ 1813 года Россійскія войска перешли за Нѣманъ, и многими колоннами двинулись къ Герцогству Варшавскому, занимая его области. Князь Волконской писалъ тогда къ Милорадовичу слѣдующее: „Государь ИМПЕРАТОРЪ, желая вознаградить достойнѣе отличную службу вашу въ опечесивенной войнѣ, предоставляесть вамъ славу быть покорителемъ Варшавы!“ Исполненный признательностью къ своему Государю, за славное препорученіе, которое Онъ на него возложилъ, а болѣе за лестныя выраженія, коими Онъ ему объявляесть сіе драгоцѣнное доказательство своего высокаго уваженія, Милорадовичъ спѣшилъ начать переговоры. Искусными движеніями и благоразумными средствами удалилъ онъ Саксонцевъ и Австрійцевъ и завладѣлъ городомъ Варшавою отъ имени Государя ИМПЕРАТОРА. Полковникъ Сипягинъ посланный къ Государю съ ключами древней столицы Польской, привезъ Милорадовичу Высочайшій рескриптъ, дарующій ему лестное право быть при особѣ ИМПЕРАТОРА и носить на эполетахъ вензеловое Его имя; подарокъ въ 100,000 рублей сопровождалъ сію отличную милость. По взятіи Варшавы, Русскіе двинулись къ Калишу; Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ пошелъ далѣе къ Одеру и одною частію своихъ войскъ окружилъ крѣпость Глогау. Весною того же года, вошли Россійскія войска въ Саксонію; Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ вступилъ въ Дрезденъ, потомъ пошелъ къ Хемницу и далѣе. Тогда все приготавливалось къ генеральному сраженію. Оно произошло при Люценѣ 20го Апрѣля Милорадовичъ въ семь дѣлъ не участвовалъ, но при опещупленіи союзныхъ войскъ, командовалъ аріергардомъ, которой покрылъ себя славою,

охраняя большую армию отъ всѣхъ опасностей, своимъ неустрашимымъ сопротивленіемъ непрерывнымъ усиліямъ многочисленныхъ непріятельскихъ войскъ. Съ 20 го Апрѣля по 11 е Маія находясь всегда въ борьбѣ противъ превосходныхъ силъ, не говоря о ежедневныхъ ошибкахъ, которыя должно было выдерживать, онъ часто принужденъ былъ вступать въ довольно значущія сраженія. 23 го Апрѣля при Вальгеймѣ, 24 го при Эпсдорфѣ, 25 го по дорогѣ отъ Носена къ Вильсдруфу, 27 го при защищеніи переправы чрезъ рѣку Эльбу у города Дрездена, 29 го при Вейсигѣ, 30 го въ окрестностяхъ Бишофсверда, 3 го Маія между деревнею Рошнаусницъ и городомъ Бауценомъ; 7 го и 8 го подъ симъ городомъ, онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ всей армии и успоялъ съ удивительною пвердостью, противъ соединенныхъ силъ непріятельскихъ, кои не могли его поколебать. При отступленіи армии начальствовалъ онъ опять аріергардомъ. 9 го Маія вступилъ Милорадовичъ въ сраженіе, въ которомъ непріатели лишились Герцога Дюрока и одного дивизіоннаго Генерала. 10 го сражался онъ еще между Рейхенбахомъ и Герлицомъ; а 11 го по дорогѣ отъ Герлица къ Лаубану. Когда перемиріе остановило непріятельскія дѣйствія, Милорадовичъ за столь многія заслуги, получилъ Графское достоинство. 1 го Августа начались военныя дѣйствія. Союзныя войска пройдя мимо Дрезденъ горами, намѣривались было его атаковать; но превосходство непріятельскихъ силъ, въ средоточіи соединенныхъ, побудило ихъ отойти къ Богеміи. 18 го Августа окрестности Кульма были зрѣлищемъ вѣчно незабвеннаго сраженія: горсть храбрыхъ Гвардейцевъ удержала напискъ непріателя, которой долженъ былъ ее раздавить, и воскресла съ большимъ успѣхомъ, невѣроятныя чудеса Спаршанцевъ при Термопилахъ. Армія, подослѣвшая имъ на помощь, окружила, совершенно разбила и совсѣмъ почти истребила 50,000 человекъ подъ командою

Вандамма. Получивъ отъ Государя ИМПЕРАТОРА: золотую шпагу, украшенную лаврами и надписью: „За храбрость и спасеніе Букареста., и 50,000 денежнаго награжденія а отъ ИМПЕРАТОРА Австрійскаго орденъ Св. Леопольда, Милорадовичъ узналъ, сколь много сіи два Монарха цѣнили участіе, которое онъ имѣлъ въ трудахъ сего знаменитаго дня. 6го Октябрю командовалъ Милорадовичъ гвардіями передъ Лейпцигомъ; послѣ щасливаго успѣха сего дѣла, которое распоргло иго, подъ коимъ спенала Германія и удостоивѣрило Европу въ ея спасеніи, получилъ онъ первый изъ отечественныхъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1814мъ году, Французы увидѣли, что Русскіе, вышедшіе въ 1812мъ году изъ Москвы, приблизились къ границамъ Франціи, перешли чрезъ ея области и вступили въ Парижъ. Изъ всѣхъ сраженій, кои опличали сей незабвенный знаменитый походъ, важнѣйшія происходили: при Бриеннѣ, Арси-сюръ-Объ, Феръ-Шампенуазѣ и подъ стѣнами самаго Парижа. Всѣ сіи, особенно же послѣднее, доставили Милорадовичу случай, подать новыя доказательства своихъ знаменитыхъ военныхъ талантовъ, которыми опечество уже удивлялося, съ самаго вступленія его на военное поприще. Всѣ союзные Государи оказывали ему лестнѣйшіе знаки своего уваженія, за его многочисленныя и важныя услуги, оказанныя въ священномъ дѣлѣ освобожденія всѣхъ Европейскихъ народовъ. Въ послѣдніе мѣсяцы сей войны, Король Пруссій, украсивъ его орденами Краснаго и Чернаго Орла, изволилъ объявить ему, что чувствуетъ болѣе всѣхъ Нѣмецкихъ Государей, все то, чѣмъ Онъ одолженъ храбрости и подвигамъ Милорадовича.

MICHEL, FILS D'ANDRÉ,
COMTE
MILORADOVITSCH,
GÉNÉRAL-D'INFANTERIE.

MICHEL, FILS D'ANDRÉ, COMTE MILORADOVITSCH, commandant le corps de la Garde, attaché à la personne de SA MAJESTÉ, gouverneur militaire de Kieff, Chevalier de tous les ordres Russes; — de St.-Léopold, 1ère classe; commandeur de l'ordre militaire de Marie Thérèse; Grand-croix de l'aigle noir et de l'aigle rouge de Prusse; Chevalier de St.-Maximilien de Bavière, 1ère classe; de St.-Maurice et de St.-Lazare de Sardaigne; de la fidélité de Bade; commandeur de St.-Jean de Jérusalem; décoré de deux épées d'or, dont l'une enrichie de diamans, et portant toutes deux cette inscription: pour la bravoure au sauveur de Boucharest; né, en 1770, d'une famille noble, originaire de Servie, entra au service, en 1780, dans le régiment des gardes d'Ismailowski. Enseigne, en 1786; sous-lieutenant, en 1788; lieutenant, et capitaine en second, en 1790; capitaine en 1796; colonel en 1797; général-major et chef du régiment d'Obcherson, en 1797; Lieutenant-général, en 1805; Il fut élevé, en 1808, au grade de général d'Infanterie.

MILORADOVITSCH, né Russe, ne pouvoit manquer d'aimer la Russie d'un amour ardent, ses ancêtres, étrangers à ce pays, lui

en avoient donné l'exemple. L'un d'eux, fort de l'estime de ses concitoyens, réunissant plus de 20,000 h. sous son commandement et à sa solde, les fit servir, avec succès, contre les Turcs, pour la cause des Russes. Pour reconnoître ses services, Pierre Ier l'invita à venir s'établir dans ses états, et le gratifia de vastes domaines en petite Russie. Cet exemple de famille alluma de bonne heure une noble émulation dans l'âme de MILORADOVITCH. Il crut, avec raison, qu'il resteroit au-dessous de son modèle, s'il ne le surpassoit; et jura dès lors de faire reconnoître, dans son zèle pour le service de la Russie, tout ce que le sentiment du devoir peut ajouter de force à un penchant naturel, transmis avec le sang. Il étoit général-major, et chef du régiment d'Obcherone, lorsque, sous le commandement du Général-Rosenberg, il se mit en marche, pour aller faire en Italie, contre les François, cette glorieuse campagne, qui seule suffiroit pour placer Souvaroff au rang des plus illustres guerriers de tous les âges. Arrivé à Brune, en Moravie, MILORADOVITSCH, commandant une brigade, reçut de S. M. l'Empereur d'Autriche, pour des manœuvres exécutées en présence de ce Monarque, une boîte ornée de son chiffre. Sondain un mouvement nouveau est imprimé aux armées, et la rapidité de leur marche est le premier signal de l'arrivée de Souvaroff. MILORADOVITSCH ne tarde pas à en être connu et distingué. Les hostilités commencent, et, dès les premières rencontres, il justifie la flatteuse opinion qu'a conçue de lui le plus grand capitaine du siècle. Les avant-postes Russes sont sur l'Adda; mais la débacle des fleuves entrave les opérations des armées. Toutes les difficultés cèdent à l'intrépide résolution de MILORADOVITSCH. Il passe l'Adige près de Vérone, transportant en bateaux, un bataillon de grenadiers sur les eaux grossies de cette rivière; à peine sur la rive opposée, il fait monter sa troupe sur des chariots, et la conduit en poste à Souvaroff, qui, admirant la prodigieuse rapidité

de toute cette opération, s'avance à sa rencontre, et lui dit, en l'abordant : Je te bénis, toi et ta troupe, dans le chemin de la gloire. Près du bourg Lecca, le brave Bagration, engagé dans une lutte trop inégale, après avoir en vain opposé toutes les ressources de sa valeur à l'énorme supériorité de l'ennemi, faisant encore les derniers efforts, étoit déjà contraint de plier ; MILORADOVITSCH vole à son secours, fond sur l'ennemi, lui enlève la victoire, et en cède tout l'honneur au Prince Bagration, prétendant qu'il appartenait tout entier au commandant de l'avant-garde, dont il n'étoit que l'auxiliaire. Ce sont les termes exprès du rapport officiel, fait à l'Empereur Paul par le Maréchal. SA MAJESTÉ, en décorant MILO-RADOVITSCH du cordon de Ste Anne, 1ère classe, récompensa, tout-à-la-fois, et son brillant fait d'armes, et son noble désintéressement. Déjà MILORADOVITSCH avoit franchi le Pô, lorsqu'il jugea, à la durée et aux progrès d'un feu de mousquetterie, qu'il entendoit sur l'autre rive, qu'elle étoit le théâtre d'un combat des plus meurtriers. Il n'est point appelé à en partager les dangers ; mais il ne peut résister au mouvement du zèle qui l'y entraîne, et, pour secourir les troupes engagées, il fait repasser à la sienne le Pô, sur des radeaux. Arrivé sur le champ de bataille, il se porte à l'instant sur les points les plus exposés ; Il affronte partout la mort ; la mort, à chaque instant, semble prête à le frapper : un tirailleur françois le couche en joue ; un officier ennemi le charge l'épée haute ; trois chevaux sont tués sous lui. La Providence, sans doute, veille sur ses jours ; il échappe à tant de dangers. C'est dans cette glorieuse journée, qu'apercevant du désordre dans les rangs, pendant la charge, il saisit un drapeau, et se précipita sur l'ennemi, en s'écriant : voyez, soldats, comme votre général sait mourir. Souvaroff, jaloux de rendre un éclatant témoignage à la gloire dont MILORADOVITSCH s'étoit couvert dans cette journée, s'exprima ainsi, dans son ordre du jour aux armées austro-Russes : Les Russes se

sont battus comme des lions ; un jeune héros parut, et les accents de la gloire retentirent ; Il saisit un drapeau , s'élança en avant , et les héros le suivirent. » L'Empereur en fut instruit , quoiqu'il n'en reçût pas de rapport officiel , et conféra à Miloradovitsch une commanderie de Malthe, dotée de 1,000 roubles de pension. Que ne doit-on pas attendre d'un jeune guerrier , qui , dès ses premiers pas dans la carrière des armes , se recommande par tant de valeur et tant de zèle pour le service , si heureusement unis à tant de générosité ! Aussi que de services rendus par lui dans tout le cours de cette glorieuse campagne ! Il en partage tous les travaux , tous les périls. Toujours le premier au combat , toujours se portant au plus fort du danger , soit qu'il conduise sa brigade à l'ennemi , soit qu'il le charge à la bayonnette , ou qu'il le poursuive et le harcèle , quelle infatigable activité ! quelle rapidité dans ses mouvements ! quelle intrépidité dans ses attaques ! Souvaroff va chercher , dans les Alpes , le seul genre de gloire qui lui manque encore ; Il va vaincre la nature. Miloradovitsch conduit son avant-garde. Que d'obstacles à surmonter ! La résistance de l'ennemi , disputant pied à pied les passages les plus difficiles à franchir , des rochers inaccessibles , des abîmes , dont on ne peut , sans frémir , mesurer de l'œil la profondeur , des torrents impétueux , la fatigue et la faim , rien ne peut arrêter la marche des Russes. Arrivés au sommet d'une montagne élevée à pic , les soldats étonnés de s'y voir parvenus , se demandent entre eux comment ils pourront en descendre. Voici comment , leur répond Miloradovitsch ; et soudain couché sur le dos , il se laisse rouler jusqu'au bas de la montagne. Son exemple entraîne les soldats ; tous imitent leur brave commandant , et arrivent comme lui aux pieds du rocher , où l'ennemi les attend. Déjà Miloradovitsch a rallié sa troupe ; déjà le plus terrible feu s'engage. Rien ne résiste ; l'ennemi est vaincu autant par la surprise , que par le feu et la bayonnette des Russes ; Ouserloh est pris d'assault. Le

détachement, qui s'en est rendu maître, se joint à Souvoroff, et le miraculeux passage du pont du diable est effectué par les Russes. Leur inconcevable audace va être mise à des épreuves plus terribles encore: Dans leur marche sur Altdorf, la nuit les surprend, et les enveloppe de ses plus épaisses ténèbres, au milieu des montagnes les plus inaccessibles; des abîmes sans fond sont ouverts devant eux. Nul moyen de les franchir, qu'en passant, un à un, sur des poutres jetées en travers. En vain le ciel leur refuse sa lumière, et le moindre faux pas doit coûter la vie; Miloradovitsch et ses braves s'avancent avec intrépidité; les abîmes sont franchis, et l'ennemi surpris prend la fuite. Mais, dans sa fuite, il a le tems de mettre le feu à un pont qu'il vient de traverser. Soin inutile! le feu ne sauroit arrêter Miloradovitsch; Il passe sur le pont brûlant; par ses ordres, ses cosaques profitent de la faveur d'un gué; le succès le plus complet couronne les plus hardis travaux: l'ennemi est entièrement défait, la ville couverte, et Miloradovitsch, si glorieusement parvenu au terme de la plus mémorable des guerres, est décoré par son Souverain de l'ordre de St.-Alexandre. En 1805, les Russes, commandés par Koutouzoff, marchent en Autriche, pour combattre de nouveau les François. Arrivés en Bavière, ils sont forcés, par le malheur des circonstances, à un mouvement rétrograde. Dans leur retraite de Braunau à Olmutz, Miloradovitsch, commandant une brigade, se couvre d'une gloire nouvelle. La première escarmouche, qui eut lieu près de Lambach, fut suivie de l'affaire d'Amsteten. Dans cette affaire, il rendit les plus importants services au Prince Bagration, en l'aidant à déboucher avec son arrière-garde, serrée de près par les François. A la tête de 4,000 h. seulement, il marche à l'ennemi, le charge à la bayonnette, résiste à tous les efforts de ses troupes combinées, et, après six heures de combat, reste maître du champ de bataille. Désormais son détachement ne quittant plus l'arrière-garde, des escarmouches sans fin sur des

chaussées détruites par des pluies d'automne, des fatigues sans relâche, la faim et l'insomnie, sont le partage continuel de cette poignée de braves. Au combat de Crems, le premier en action, il est un des principaux instruments de la victoire. Des milliers de prisonniers, des drapeaux, des canons, en sont les trophées. Il venoit de recevoir, pour prix de ces travaux, la croix de St.-Georges, 3me classe, et le rang de lieutenant-général, lorsque l'Empereur ALEXANDRE, l'apercevant, dit en présence de ses gardes: » Voilà un général qui a emporté un rang à la bayonnette. « SA MAJESTÉ, non contente de publier ainsi la gloire de son fidèle serviteur, daigne encore récompenser, de ses mains, les soldats du détachement qu'il commandoit, et particulièrement ceux de son régiment. A la bataille d'Austerlitz, qui termina cette courte mais laborieuse campagne, Miloradovitsch, tout le jour au feu, se signale par une fermeté et un courage supérieurs à tous les dangers. Bientôt après, un armistice fut conclu, et les Russes se mirent en marche, pour rentrer dans leurs frontières. A leur arrivée en Russie, le chef des armées, le brave Koutouzoff, écrivant à Miloradovitsch, rendit, en ces termes, un glorieux témoignage à sa conduite en Italie et en Autriche: Votre Excellence a déjà, dans deux campagnes, rendu à la Patrie les plus signalés services; Elle espère vous voir encore travailler à son bonheur et à sa gloire, en cueillant de nouveaux lauriers. L'opinion de Koutouzoff, les espérances de la Russie, ne tardèrent pas à être justifiées. En 1806, la guerre s'alluma en Moldavie. Pendant qu'une partie des troupes Russes passe le Niemen, pour aller secourir la Prusse attaquée par les François, l'autre partie entre en Moldavie et en Valachie. Miloradovitsch se porte, avec son corps, sur Boucharest. Les Turcs, soupçonnant les Valaques d'entretenir des intelligences avec l'ennemi, ont juré de défendre la ville jusqu'à la dernière extrémité, et de livrer cette grande cité et son immense population aux flammes, plutôt qu'aux Russes. Déjà les avant-postes Turcs

sont défaits ; déjà les Russes s'approchent de la place. Le signal de l'incendie et du massacre est donné par les Turcs. Les habitants sont encore suspendus entre la crainte et l'espérance. Quelques instants encore , et Boucharest peut-être n'offrira plus qu'un vaste cimetière. Miloradovitsch a senti toute l'urgence des circonstances , tout le prix d'un moment ; Il ne marche pas, il vole ; son avant-garde a peine à le suivre. Il arrive, et la terreur avec lui ; Il attaque , il renverse , il écrase l'ennemi, et la capitale de la Valachie est sauvée. Mais non ; l'affreux orage, qui menaçoit de l'écraser, n'est encore conjuré que pour un tems ; bientôt il éclatera avec une nouvelle fureur. Ce n'est qu'à Obilechte qu'il sera bien décidé que la ruine d'une ville est envain jurée par les Turcs, quand Miloradovitsch veille sur elle. Ses troupes peu nombreuses étoient disséminées sur le plateau de la Moldavie et de la Valachie ; il n'avoit que 4,000 hommes auprès de lui, lorsque l'horrible serment fut renouvelé par les Turcs. Le grand visir, et le célèbre Moustapha Baïractar sont déjà en marche pour l'exécuter. Tous deux, en même tems, passent le Danube ; le premier, avec 80,000 hommes, débouche près Sillistri ; l'autre, avec 30,000, près Rouchtschouk. L'ange de la destruction plane encore une fois sur la malheureuse Boucharest. Miloradovitsch rassemble un corps de 50,000, h., se porte à gauche, par une marche forcée qui décèle l'élève de Souvaroff, parcourt 60 verstes avec une incroyable rapidité, et sur les bords de la Mastiche, près du village Obilechte, le 27 Juin 1807, rencontre le corps d'avant-garde du grand visir, le défait, le met en fuite, donne à peine à sa troupe le tems de respirer, se porte en arrière, et, sous les murs de Boucharest, trouve les troupes légères d'une avant-garde turque, les bat, et les pousse, au-delà de 20 verstes, jusqu'à la rivière d'Arci. Il va combattre Baïractar ; mais Baïractar, instruit de la défaite du grand visir, se retire précipitamment de l'autre côté du Danube, et le salut de Boucharest est assuré. La reconnoissance de cette ville inscrit dans ses annales, et

grave dans le cœur de tous ses habitants, le nom de son sauveur. SA MAJESTÉ consacre ce titre glorieux, en donnant à Miloradovitsch une épée d'or, portant cette inscription: Pour la bravoure, au sauveur de Boucharest; et récompense tous ses travaux dans le cours de cette campagne, et sa conduite à l'affaire de Rijovate, en l'élevant au grade de général d'Infanterie. Des circonstances nouvelles l'appellent bientôt à de nouvelles fonctions: Par un rescrit de SA MAJESTÉ, il est d'abord nommé commandant d'un corps cantonné à Moiloff sur le Dnieper, et quelques mois après gouverneur de cette ville, avec charge d'inspecter les travaux des forteresses de Dinabourg, Babrouisk, et Kieff, et de prendre part au pouvoir civil de ce gouvernement. Il y passa les années 1810 et 1811, signalant son administration, par le plus noble désintéressement, et la plus incorruptible intégrité. Il continuoit, en 1812, dans l'exercice de fonctions civiles, à servir sa patrie, avec ce zèle ardent, dont il lui avoit déjà donné tant et de si glorieuses preuves dans la carrière des armes, lorsque le génie du mal se présenta aux portes de la Russie, traînant avec lui presque tous les peuples de l'Europe, ses victimes, pour les faire servir à la ruine du seul peuple, dont ils pouvoient encore espérer leur délivrance. Jamais d'aussi épouvantables dangers n'ont menacé la gloire et l'indépendance des Russes; Jamais aussi leur noble passion pour la gloire et l'indépendance ne s'est manifestée par plus de prodiges. Tous demandent des armes; tous supplient la patrie d'accepter le sacrifice de leur vie. Elle ne peut les exaucer tous; mais Miloradovitsch a acquis trop de titres à cette glorieuse faveur, pour qu'elle lui refuse l'honneur de contribuer à sa défense. Par l'ordre de son Souverain, il quitte son gouvernement, et se rend à Kalouga, pour y former une armée de réserve. Déjà l'ennemi a franchi les frontières Russes. La voix de l'armée, celle de ses plus valeureux chefs appelle Miloradovitsch au champ d'honneur. » Il n'est pas de ré-

» giment qui n'ait servi sous vos ordres, lui écrit à Kalouga le brave
» Ermoloff, commandant de l'état-major ; Ils vous ont toujours vu
» le premier au danger ; Montrez-vous à eux, et rien ne pourra leur
» résister. « Une Lettre de Barclai de Tolly, commandant de toutes
les armées, le presse d'arriver pour une bataille générale, qui doit
incessamment se livrer, et dont dépend le salut de la Russie. Il re-
çoit cette lettre, le 19 Août, à minuit, et, avant le jour il part,
conduisant en chariots, à marches forcées, 15,000 h. de troupes
qu'il a déjà formées. En 2 jours, il se rend de Kalouga à Ijatsk.
» Je savois, lui dit Barclai de Tolly, dans une seconde lettre, qu'à
» la voix de la patrie, dans un moment qui va décider de son sort,
» nul n'accourroit avec plus de zèle, plus de célérité que vous. Le
» combat est inévitable ; il va déterminer l'attitude de l'empire ;
» Tous les efforts sont nécessaires ; Votre présence est indispen-
» sable. « Ce combat, unique dans les annales de la guerre, se
livra, le 26 Août, près de Borodino. Miloradovitsch commandoit à
l'aile droite et au centre de cette armée de frères, qui, défendant
la gloire et l'indépendance de leur mère commune, contre vingt
peuples combinés, leur apprirent que, par un siècle de triomphes,
les Russes n'avoient point encore révélé au monde toute l'étendue
de leur force, de leur intrépidité, de leur audace. Miloradovitsch
remplâça, dans le commandement de la 2me armée, le Prince Ba-
gration, mortellement blessé à Borodino. Le 29, à la prière du
maréchal Koutouzoff, il prit le commandement de l'arrière-garde,
et, le même jour, remporta une victoire disputée par un sanglant
combat. La Russie devoit beaucoup à sa valeur ; Elle ne dut pas
moins à sa prudence, lorsque, sous les murs de Moscou, il sut
enlever aux François d'incalculables avantages, en suspendant leur
poursuite, par la capitulation et l'armistice qu'il fit signer au Roi
de Naples, ménageant ainsi un temps précieux aux armées Russes,
pour effectuer, sans danger, le passage de cette ville, et transporter

leurs blessés en lieu de sûreté ; aux habitants et aux fonctionnaires publics , pour soustraire d'immenses richesses à l'ennemi. Du 2 au 22 Septembre, Miloradovitsch, tous les jours au feu avec l'arrière-garde, et quelquefois engagé dans des affaires sérieuses, fit plus de 5,000 prisonniers, et rendit encore un important service aux armées, dont il couvrit et protégea la marche de Moscou à Taroutina. Nul acte d'hostilité, depuis le 22 Septembre jusqu'au 6 Octobre. Au grand étonnement de l'Europe, dont les regards étoient fixés sur la Russie, l'orgueil du plus entreprenant des ennemis, s'endormit à cette époque, bercé par la flatteuse espérance d'une paix, dont il se tenoit sûr de dicter les conditions. Cependant les Russes veilloient, et travailloient, dans le silence, avec une activité sans exemple, à rassembler les plus puissants moyens, pour offrir à Buonaparte, au sortir de son rêve trompeur, l'épouvantable, mais infaillible perspective des désastres de cette longue retraite, dont le récit au-dessous de la vérité, car le langage humain manque de force pour l'exprimer, paroîtra à peine croyable aux siècles à venir. Ce moment terrible est arrivé. Miloradovitsch, commandant toute la Cavalerie, concourt puissamment au succès et à la gloire de cette mémorable journée du 8 Octobre, première époque de la délivrance de sa patrie. Le même honneur l'attend à Malo-Yaroslavetz. Par une marche de 45 verstes en six heures, il arrive à tems, pour renforcer les troupes engagées, et partager le mérite d'une victoire, qui ne laisse aux armées ennemies, désormais convaincues de l'inutilité de leur résistance, d'autre parti qu'une fuite, qui ne prolonge leur existence, que pour leur faire plus longuement expier, par des tourments jusqu'alors inouïs, les sacrilèges excès dont elles se sont rendues coupables. Miloradovitsch les poursuit sans relâche, les atteint, le 22 Octobre, aux environs de Viasma, engage un combat qui dure tout le jour, et arrache la victoire à l'ennemi, fort de 50,000 hommes, dont 8,000

restent sur le champ de bataille. La ville soustraite au feu, 30,000 prisonniers, au nombre desquels le général Pelletier, des canons et des drapeaux, sont les trophées de cette victoire. Quatre jours après, la ville de Dorogobousch est prise. Delà le vainqueur, menant son avant-garde, par des chemins inconnus, à travers des forêts et des marais, tourne Smolensk, et devance l'ennemi, pour le rencontrer à Krasnoe. Dans les journées du 3, du 4, du 5 et du 6 Novembre, les corps de Vice-Roi d'Italie et du Maréchal Davoust sont défaits; celui de Ney est anéanti. Nul guerrier ne se couvrit de plus de gloire que Miloradovitsch, dans les champs de Krasnoe: Dans l'espace de peu de jours, il y fit perdre à l'ennemi 15,000 hommes tués, 2 généraux, 285 officiers de tout grade, 22,000 soldats prisonniers, 56 canons, leurs caissons et de nombreux équipages. Les ordres de St.-Wladimir 1ère classe, et de St.-Georges 2me, dont SA MAJESTÉ le décora à Vilna, furent la récompense de ses travaux à Viasma et à Krasnoe.

Au commencement de 1813, les armées Russes passent le Niemen, se portent, sur plusieurs colonnes, vers le Duché de Varsovie, et en occupent le territoire. Le Prince Volkonski écrit alors au général Miloradovitsch: » SA MAJESTÉ, voulant vous récompenser d'une manière digne des services signalés que vous avez rendus pendant le cours de cette guerre patriotique, vous remet la gloire de soumettre Varsovie. Plein de reconnaissance envers son Souverain, pour l'honorable commission dont il l'a chargé, et pour les termes plus honorables encore, dans lesquels il lui a fait annoncer cette précieuse marque de sa haute estime, Miloradovitsch se hâte d'entamer des négociations. Par l'habileté de ses mouvemens, et la sagesse de ses mesures, il parvient à éloigner les Saxons, et les Autrichiens, et prend possession de la ville, au nom de l'Empereur ALEXANDRE. Le colonel Sipiagin, chargé de porter à l'Empereur les clefs de l'ancienne capitale de la Pologne, rapporte à

Miloradovitsch un rescrit, par lequel SA MAJESTÉ l'attache à sa personne, et lui accorde l'honneur de porter des épaulettes ornées du chiffre de son maître. Un don de 100,000 roubles accompagnoit cette précieuse faveur. Varsovie occupée, les Russes se portèrent sur Kalitsch. Miloradovitsch, avec son avant-garde, poussa en avant sur l'Oder, et entoura la forteresse de Glogau d'une partie de ses troupes. Au printemps de la même année, les Russes pénétrèrent en Saxe; Miloradovitsch, avec son avant-garde, entra dans Dresde, puis marcha vers Hemnitz, et au-delà. On se préparoit alors à une affaire générale. Elle eut lieu à Lutzen, le 20 Avril. Il ne prit point part à cette affaire; mais à la retraite des alliés, il commanda l'arrière-garde, qui se couvrit de gloire, en protégeant la grande armée, qu'elle mit à l'abri de tout danger, par son intrépide résistance aux continuels efforts des troupes combinées de l'ennemi. Du 20 Avril jusqu'au 11 Mai, toujours en lutte contre des forces supérieures aux siennes, Miloradovitsch, sans parler des escarmouches journalières qu'il eut à soutenir, fut souvent engagé dans les affaires les plus sérieuses, le 23 Avril, près Valgeim; le 24, près Etsdorff; le 25, sur le chemin de Nossine à Vilsdrouff; le 27, à la défense de l'Elbe, près Dresde; le 29, près Veissigue; le 30, dans les environs de Bischoffsverden; le 3 Mai, entre le village de Rodtnaustitz et la ville de Bautzen. Le 7 et le 8, près cette ville, il commanda l'aile gauche de toute l'armée, et tint, avec une admirable fermeté, contre les efforts multipliés de l'ennemi, qui ne purent l'ébranler. A la retraite de l'armée, Il commanda encore l'arrière-garde. Le 9, il livra un combat, où l'ennemi compta parmi ses morts Duroc et un général de division. Il combattit encore, le 10, entre Rechenbach et Guerlitz, et, le 11, sur le chemin de Guerlitz à Lauban. Il venoit de recevoir le titre de Comte, pour prix de tant de travaux, quand un armistice suspendit les hostilités. Elles recommencent le 1 d'Août. Les alliés, traversant les montagnes, ont tourné Dresde, et se pro-

posent d'attaquer cette place. Mais les forces supérieures de l'ennemi, centralement combinées, se sont portées vers la Bohême. Le 18, les environs de Culm sont le théâtre d'un combat à jamais mémorable, où un poignée de braves, des gardes de SA MAJESTÉ, soutenant le premier choc d'un ennemi qui devoit les écraser, renouvelèrent avec plus de succès, les prodiges tant vantés et si peu croyables, opérés par les spartiates aux Thermopyles. L'armée, arrivée à tems à leur secours, enveloppa, battit complètement et fit pres-tièremment disparaître 50,000 hommes, commandés par Vandamme. En recevant de son Souverain une gratification de 50,000 Rbl. et une épée en diamans, sur laquelle étoit reproduite cette glorieuse inscription, pour la bravoure, au sauveur de Boucharest; et de l'Empereur d'Autriche l'ordre de St.-Léopold, Miloradovitsch apprit l'importance que ces deux monarques attachoient à la part qu'il avoit prise aux travaux de cette glorieuse journée. Le 6 Octobre, il commanda les gardes devant Leipsick. Après l'heureuse issue de la bataille, qui brisa le joug sous lequel gémissoit l'Allemagne, et rendit à l'Europe l'assurance de son salut, il fut décoré de l'ordre de St.-André, le plus ancien ordre de l'Empire.

En 1814, les François virent les Russes, partis de Moscou en 1812, arriver sur les frontières de la France, traverser ses provinces, et entrer dans sa capitale. De tous les combats qui signalèrent cette marche à jamais célèbre, les plus importants furent livrés près Brienne, Arcis, Ferre-Champenoise, et aux portes de Paris même. Tous, et le dernier surtout, fournirent à Miloradovitsch des occasions de donner de nouvelles preuves de ces brillantes qualités guerrières, que la patrie avoit admirées en lui, dès son entrée dans la carrière des armes, et dont elle avoit dès lors conçu de si hautes espérances, si glorieusement justifiées depuis, par toute la suite de sa vie militaire. Déjà presque tous les Souverains alliés lui avoient accordé les marques les plus flatteuses de leur estime pour ses nombreux et importants services,

rendus à la cause la plus sacrée, cause commune de tous les peuples de l'Europe, lorsque, dans les derniers mois de cette guerre, le Roi de Prusse, en lui conférant les ordres de l'aigle rouge et de l'aigle noir, se plut à témoigner qu'il sentoit aussi vivement qu'aucun des Princes de l'Allemagne, tout ce qu'elle devoit à la valeur et aux travaux du général Miloradovitsch.

Гвардии
Генерал-майор Кавалерии.

Оуваров
Général de Cavalerie.

Published October 1816 by J. V. Vendramini N° 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ
ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ
УВАРОВЪ

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ УВАРОВЪ, Кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невского алмазами украшеннаго; Св. Владимира и Св. Анны 1й степени, Св. Георгія 2й степени, имѣетъ золотую шпагу украшенную алмазами съ надписью: за храбрость и серебряную медаль 1812 года, также Св. Лудовика большаго креста, Австрійскаго Маріи Терезіи и Прусскаго краснаго и чернаго Орла 1й степ. Кавалеръ, Командоръ орденовъ: Виртембергскаго и Іоанна Іерусалимскаго. Происходитъ изъ Дворянской фамиліи, родился 11го Апрѣля 1773го года, записанъ былъ въ службу Сержантомъ 7го Октябрия 1775 года, а въ 1798мъ году перешедъ поспешенно всѣ степени произведенъ былъ въ Генераль-Маіоры, въ Генераль-Адъютанты и назначенъ Шефомъ Кавалергардскаго полка, въ 1800мъ году въ Генераль-Лейтенанты; а въ 1813мъ году пожалованъ былъ на мѣстѣ сраженія подъ сѣнами Лейпцига въ Генералы отъ Кавалеріи.

Генераль Уваровъ съ молодости носилъ уже почетное званіе слуги опечеснѣва, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ уже ока-

зался достойнымъ подвизаться на поля чести. Имѣя 21 годъ отъ роду, въ правленіе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II и онъ оказывалъ нѣсколько разъ неутомимость свою въ трудахъ и храбрость посреди опасностей. Онъ совершилъ всю кампанію въ 1790 мѣ году противу Шведовъ въ 1793 мѣ и 1794 мѣ противу Поляковъ. Сія послѣдняя подала ему болѣе случая оказать свое рвеніе, искусство и храбрость; онъ не упустилъ къ тому ни одного случая, исполнялъ съ благо-разуміемъ всѣ возлагаемыя на него препорученія, сражался вездѣ неустрасливо, споспѣшествуя всегда славнымъ успѣхамъ, кои увѣнчивали храбрость и военное искусство Русскихъ, онъ пріобрѣлъ достаточныя права на уваженія своихъ сослуживцевъ и Начальниковъ, и почитаемъ былъ въ своемъ опечесствѣ въ числѣ отличнѣйшихъ Офицеровъ. Въ войнѣ 1805 года противу Французовъ, онъ командовалъ Кавалеріею въ званіи Генералъ - Лейтенанта. 20 го Ноября при Аустерлицѣ, онъ совершилъ съ успѣхомъ многія атаки, овладѣлъ важными высотами, и защищая ихъ съ упорностію до ночи, одержалъ значительныя преимуще-ства, упомнивъ спремительность непріятеля рѣшитель-ными атаками и облегчивъ соединеніе союзныхъ войскъ въ ихъ опустошительномъ движеніи. Онъ былъ уже почтенъ на полѣ сраженія, явными знаками благоволенія двухъ Мо-нарховъ за его храбрость, и въ семъ случаѣ получилъ новую и не менѣ блестящую награду отъ своего ИМПЕРАТОРА; по возвращеніи въ опечество, Великій Монархъ, съ правосу-діемъ отличавшій знаменитые подвиги своихъ подданныхъ, представляя на парадѣ Генерала Уварова при всѣхъ Гене-ралахъ Генералъ - Губернатору, изволилъ сказать: „Ежели армія въ своемъ опещупленіи, избѣгла бѣдствій, кои каза-лись неминуемыми, то мы обязаны симъ усердію, распоря-женіямъ и искуснымъ маневрамъ сего храбраго Генерала.“

Въ 1807 мѣ году въ Пруссіи, онъ пошелъ снова противъ Французовъ, и сражался съ успѣхомъ при Гутштамтѣ, при Волсдорфѣ и Шорнихѣ. При Акендорфѣ онъ много споспѣшествовалъ одержанію побѣды, непрерывными атакками. При Гейлсбергѣ онъ подкрѣпилъ своею Кавалеріею корпусъ, сражавшійся противъ Французовъ, бывшихъ подъ командою Мюрата, напалъ на нихъ во многихъ мѣстахъ, удержалъ быспрому ихъ движеній, и доставилъ Россійскимъ войскамъ время и случай овладѣть укрѣпленнымъ возвышеніемъ. Сіе стоило непріятелю 15.000 человекъ и—побѣды. 2 го Іюня при Фридландѣ, онъ вступилъ въ сраженіе съ правымъ непріятельскимъ крыломъ около полудня, и важный успѣхъ увѣнчалъ первыя его усилія. Непріятельская Кавалерія, совершенно разбитая, оставила множество людей убитыми на мѣстѣ, и такое же число плѣнныхъ досталось въ руки побѣдителя. Подъ вечеръ, когда Наполеонъ пришелъ съ своею арміею, перемѣнилось положеніе дѣлъ; Уваровъ съ малочисленнымъ опрядомъ, держался одинъ, противъ всей непріятельской арміи, упираясь въ рѣку, коей мосты были разрушены. Онъ защищался съ неустрашимостью до ночи, въ сей опасной позиціи; а потомъ искусными маневрами, облегчилъ онъ репирату аршиллерійскаго парка, и не прежде рѣшился перейти въ бродъ чрезъ рѣку, какъ по спасеніи 80 пушекъ; симъ оказалъ онъ Россійской арміи самыя важныя услуги, удержавъ преслѣдованіе непріятеля. —

Въ войнѣ 1810 года противу Турокъ въ Молдавіи, командовалъ онъ большимъ корпусомъ, съ 23 го Мая по 15 е Октября. Всѣ тогдашнія распоряженія и дѣйствія были совершаемы симъ неустрашимымъ Генераломъ. 26 го при осадѣ города Шумли, подъ самыми окопами, онъ защищалъ редуты съ весьма малымъ числомъ войска, и отражалъ въ теченіе 24 часовъ, съ удивительнымъ искусствомъ, вылазки

*

значительнаго гарнизона. При осадѣ и при штурмѣ Рушука командуя колонною, онъ вступилъ въ сраженіе во рву и на гласисахъ, и крѣпко держался, пока не получилъ приказанія опуступить. Онъ успѣлъ въ сей неслишкомъ щастливый день облегчить опуступленіе войскъ, занимая цѣлой день весь гарнизонъ. Въ знаменитой Банынской битвѣ онъ сражался на правомъ крылѣ, напалъ на редуты и одержалъ успѣхи, слѣдствіемъ которыхъ было пораженіе непріятельской арміи, и взятіе въ плѣнъ 6.000 человекъ, въ числѣ коихъ находились различныхъ званій Офицеры и самъ командовавшій Паша. —

Въ кампаніи 1812 года, коей воспоминаніе никогда не изгладится изъ памяти людей, напоминая все ужасы самой грозной войны и въ тоже время достопамятнѣйшіе подвиги любви къ отечеству, Генераль Уваровъ заслужилъ, чтобы его имя было вписано посреди именъ тѣхъ знаменитыхъ воиновъ, кои неутомимостию, усердіемъ и храбростию, уничтожили замыслы ужаснаго исполина, которой угрожалъ порабощеніемъ Европы. — Въ началѣ кампаніи съ весьма малымъ числомъ войскъ занималъ онъ Волкомірѣ. — Не смотря на усиліе непріятелей, которые шли сосредоточенными силами, онъ удержался тамъ довольно долго, дабы облегчить соединеніе корпуса Графа Витгенштейна съ болѣею арміею. Помогъ, командуя всею Кавалеріею, онъ находился безпрестанно съ авангардомъ въ дѣлѣ. Онъ не помышлялъ о славѣ, заботясь единственно о благоденствіи отечества. — Не дорожа правомъ старшинства, онъ не избиралъ главнаго начальства, но искалъ самаго опаснаго. — Ежедневно видѣли его въ величайшихъ опасностяхъ, посреди коихъ онъ оказывалъ пылкую любовь къ отечеству, его оживлявшую, и армія, справедливо цѣнящая его подвиги, единогласно приписываетъ ему славу, которую онъ заслу-

жилъ, по всей справедливости безчисленными заслугами, оказанными имъ отечеству. — Въ день Бородинскаго сраженія — о которомъ довольно упомянушь, ибо ничего не лѣзя болѣе присовокупить къ сему имени, возбуждающему великія воспоминанія — Генераль Уваровъ находился на правомъ крылѣ, въ самое критическое мгновеніе для Россійской арміи; благоразумными распоряженіями, искусствомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и быстрой рѣшительныхъ атакъ, опрокинулъ онъ лѣвый флангъ непріятеля и привелъ его въ такое расстройство, что Наполеонъ нашелъ себя принужденнымъ оставить всѣ свои успѣхи въ другихъ мѣстахъ, и отдѣлитъ одну часть своей Кавалеріи, для подкрѣпленія лѣваго фланга. За сію великую услугу онъ получилъ изустно отъ Фельдмаршала Кутузова, въ присутствіи всей арміи, лучшійшую награду. „Въ сей ужасный день (говорилъ Фельдмаршалъ Генералу Уварову,) вы мнѣ усердно помогали; вы были главнѣйшимъ орудіемъ въ нанесеніи сильной пощери, которую непріятель претерпѣлъ!“ — Французы въ своихъ бюллетеняхъ не скрывали сей пощери: они не опровергали славы блистательныхъ подвиговъ, которые совершилъ Генераль Уваровъ. — Со времени сей кровопролитной битвы, до того щастливаго дня, въ который Россія, изгнавъ изъ нѣдръ своихъ жалкіе остатки несмѣтной непріятельской арміи, наводнившей ея предѣлы, принесла Господу брани щеплыя молебны за славное свое избавленіе — Генераль Уваровъ, участвуя во всѣхъ дѣлахъ, безпрестанно оказывалъ пылкость, усердіе, храбрость, достойныя того священнаго дѣла, за которое онъ сражался. —

Въ 1813 мѣ году, по оставленіи Люцена, онъ находился всякой день въ огнѣ и удерживалъ сильныя атаки, которыми непріятель въ преслѣдованіи тщетно надѣялся пріобрѣсти важныя успѣхи. При Бауценѣ онъ командовалъ

всѣми Кирасирами и частью Прусской Кавалеріи, и оказаль снова храбрость свою и искусство. — Во время перемирія, Кавалерія была раздѣлена по разнымъ корпусамъ, и онъ находился при особѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, который, удостоя его своей довѣренности, употребляль въ важныхъ порученіяхъ. Подъ стѣнами Лейпцига, было ему поручено ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ раздавать ЕГО приказы по всей линіи; его видѣли въ жесточайшемъ огнѣ, пренебрегающаго величайшія опасности; онъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, на которыя наносилъ непріятель жесточайшіе удары, и все сіе исполняль онъ посреди ужасовъ и разрушенія съ удивительнымъ хладнокровіемъ, рачительностью и точностью. За ревностное исполненіи сихъ важныхъ порученій, удостоился онъ получить послѣ сраженія. знаменитый чинъ Генерала опъ Кавалеріи.

Въ 1814 году онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ; подвиги и труды свои при Лейпцигѣ повторилъ онъ при Бріеннѣ, Баръ-Сюръ-Обѣ и Феръ-Шампенуазѣ и подъ стѣнами Парижа, и наконецъ вступилъ съ побѣдоносною арміею въ столицу Франціи. Онъ достоинъ быть въ числѣ тѣхъ воиновъ, коихъ благородныя усилія наиболѣе споспѣшествовали Избавителю Европы къ достиженію сей славной цѣли; за сіи безсмертныя подвиги почтенъ онъ благодарностью своихъ соотечественниковъ, уваженіемъ Россійской арміи и союзныхъ войскъ, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ воспоминать, что подъ его начальствомъ шли они по стези къ славі, и наконецъ самыми лестными знаками благоволенія всѣхъ Августѣйшихъ союзныхъ Монарховъ.

THÉODORE, FILS DE PIERRE,
OUVAROFF,
GÉNÉRAL DE CAVALERIE.

THÉODORE, FILS DE PIERRE, OUVAROFF, Chevalier de St.-Alexandre-Newsky, en diamans; de St.-Wladimir et de Ste.-Anne, 1ère classe; de St.-Georges 2me; décoré de l'épée d'or pour la bravoure, ornée de diamans, et de la médaille patriotique de 1812; Grand'croix de l'ordre de St.-Louis; — Chevalier de Marie Thérèse d'Autriche; — de l'aigle noir et de l'aigle rouge de Prusse, 1ère classe; — de l'ordre militaire de Maximilien Joseph de Bavière, 1ère; commandeur de l'ordre de Wurtemberg; — et de l'ordre de St.-Jean de Jérusalem; Né d'une famille noble, le 11 Avril 1773; inscrit au service, en qualité de Sergent, le 9 Septembre 1775; nommé, en 1798, après avoir successivement parcouru tous les grades intermédiaires, général-major, aide-de-camp de SA MAJESTÉ, et chef du régiment des chevaliers-gardes; en 1800, lieutenant-général; Il fut élevé, en 1813, sur le champ de bataille, sous les murs de Leipsick, au rang de général de Cavalerie.

Si le général OUVAROFF a porté de bonne heure le titre honorable de serviteur de la patrie, de bonne heure aussi il s'en est montré digne, au champ d'honneur: à 21 ans, sous le règne de l'immortelle CATHERINE, il avoit déjà signalé, sur plus d'un théâtre,

sa patience dans les travaux, sa valeur au milieu des dangers; Il avoit fait toute la campagne de 1790 contre les Suédois, et celles de 1793 et 1794 contre les Polonois. Ces dernières lui ayant offert plus d'occasions de manifester son zèle, ses talents, son courage, il n'en avoit laissé échapper aucune; exécutant avec intelligence toutes les commissions dont il étoit chargé, combattant partout avec intrépidité, coopérant toujours aux glorieux succès qui couronnèrent la valeur et la science militaire des Russes, dans toutes les batailles qu'ils livrèrent, il avoit acquis de puissants titres à l'estime de ses compagnons d'armes et de ses chefs, et étoit rentré dans sa patrie, déjà placé par l'armée au rang des officiers distingués.

Dans la Campagne de 1805 contre les François, il commanda la Cavalerie, en qualité de lieutenant-général. Le 20 Octobre, à Austerlitz, il exécuta, avec succès, plusieurs charges contre les François, parvint à se rendre maître de hauteurs importantes, et, en les défendant avec opiniâtreté jusqu'à la nuit, obtint les précieux avantages de ralentir l'impétuosité de l'ennemi dans son attaque décisive, et de faciliter la jonction des armées Impériales dans leur mouvement retrograde. Déjà honoré, sur le champ de bataille même, des témoignages de la bienveillance des deux Monarques, digne prix de sa valeureuse conduite, il en reçut une nouvelle et non moins flatteuse récompense de L'EMPEREUR, son maître, lorsque, de retour dans sa résidence, cet Auguste Souverain, qui se plaît à publier les glorieuses actions de ses fidèles serviteurs, dit au général gouverneur de sa capitale, en lui présentant à la parade le général OUVAROFF, devant tous les généraux assemblés: Si l'armée, dans sa retraite, a échappé à une partie des souffrances qui sembloient inévitables, c'est au courage, aux dispositions, aux manœuvres habiles de ce brave général que nous en sommes redevables.

En 1807, dans les états de Prusse, il marche de nouveau contre les François. Il combat d'abord avec succès à Gutstadt, près Volf-dorf et Schornik. A Akendorf, il contribue puissamment au gain de la bataille, par les avantages importants qu'il remporte dans des charges réitérées. A Heilsberg, il renforce, avec la cavalerie, un corps engagé contre des François, commandés par Murat, les attaque sur plusieurs points, réprime l'impétuosité de leurs mouvements, et ménage aux troupes Russes le temps et les moyens d'occuper un plateau fortifié; occupation qui coûte à l'ennemi 15,000 hommes et la victoire. Le 2 Juin, près Friedland, il entre en affaire, avec le flanc droit, vers le milieu du jour; un brillant succès couronne ses premiers efforts: La Cavalerie ennemie, entièrement défaite, laisse un grand nombre de morts sur le champ de bataille, et autant de prisonniers entre les mains du Vainqueur. Vers le soir, quand Napoléon, arrivé avec son armée, a changé la face des affaires, OUVAROFF, avec très-peu de force, reste seul, en présence de toute l'armée ennemie, adossé à une rivière dont les ponts sont détruits. Il se maintient avec intrépidité, jusqu'à la nuit, dans cette périlleuse position; alors, par d'habiles manœuvres, il parvient à faciliter la retraite du parc d'artillerie, et ne se détermine à passer la rivière à gué, qu'après avoir ainsi sauvé 80 pièces de canons, et rendu à l'armée Russe le plus important service, en arrêtant la poursuite de l'ennemi.

Dans la Campagne de 1810 contre les Turcs, en Moldavie, Commandant un Corps considérable, du 23 Mai au 15 Octobre, toutes ses dispositions, toute sa conduite furent celles d'un général aussi habile qu'intrépide. Le 26, au Siège de Schoumla, sous les retranchements même, il défend les redans, avec très-peu de troupes, et foudroie, pendant 24 heures, avec une rare habileté, les sorties d'une garnison considérable. Au siège et à l'assaut de Ruschtschuk, à la tête d'une colonne, il livre un brillant combat

dans le ravin et sur les glacis, tient ferme jusqu'au moment où des ordres supérieurs lui font un devoir de se retirer, et remporte la gloire d'avoir facilité, en ce jour peu fortuné, la retraite des troupes, en occupant, toute la journée, la garnison entière. Dans la glorieuse journée de Batten, il combat au flanc droit, assiège les redoutes, obtient un succès qui entraîne la défaite de l'armée ennemie, et désarme 6,000 hommes, des officiers supérieurs de différents grades, et le Pacha commandant lui-même.

Dans la campagne de 1812, dont le souvenir, qui ne s'effacera jamais de la mémoire des hommes, leur rappellera sans cesse tout ce que la guerre a jamais étalé de plus épouvantables horreurs, et le patriotisme opéré de plus admirables prodiges, le général OUVAROFF a mérité que son nom fut honorablement inscrit parmi ceux des illustres guerriers, qui, à force de patience, de dévouement et de courage, ont anéanti le monstrueux colosse qui menaçoit d'écraser l'Europe. D'abord, avec très-peu de troupes, il se rend maître de Volkomir, et, malgré les efforts de l'ennemi qui s'y porte avec des forces combinées, il s'y maintient assez de temps pour faciliter au corps du général Wittgenstein sa jonction avec la grande armée. Ensuite, commandant toute la cavalerie, il est sans cesse en affaire avec l'avant-garde. Il ne songe point à la gloire; il n'est occupé que du salut de la patrie. Peu jaloux de faire valoir les privilèges de son ancienneté, ce ne sont point les commandements les plus honorables, mais les postes les plus périlleux qu'il ambitionne. Tous les jours on le voit, au fort du danger, signaler l'ardent patriotisme qui l'anime; et l'armée, juste appréciatrice de sa conduite, lui assure cette gloire à laquelle il a acquis tant de titres, sans rien faire pour elle, en rendant, d'une voix unanime, le plus éclatant témoignage aux nombreux services qu'a reçus de lui la patrie, pour laquelle seule il a tout fait. Dans la journée de Borodino, qu'il suffit de nommer, car tout ce qu'on pourroit ajouter à son nom

seroit au-dessous des grandes idées que ce nom réveille, le général OUVAROFF placé au flanc droit, au moment le plus critique pour les Russes, par la sagesse de ses dispositions, l'habileté de ses opérations stratégiques, et la rapidité d'une attaque décisive, renverse le flanc gauche de l'ennemi, et le met dans une telle déroute, que Napoléon se voit forcé d'abandonner tous ses succès sur d'autres points, et de détacher une partie de sa cavalerie, pour renforcer son flanc gauche; service important, qui reçut de la bouche du maréchal Koutouzoff, en présence de toute l'armée, la plus flatteuse récompense. » Dans cette terrible journée, dit le maréchal au général OUVAROFF, vous avez généreusement secondé mes travaux; vous avez » été un des principaux instruments des pertes énormes que l'ennemi » a essuyées. « Les Bulletins françois n'ont pas nié ces pertes; ils n'ont pas démenti le brillant exploit qui mérita au général OUVAROFF ce glorieux éloge. Depuis cette sanglante journée jusqu'au fortuné moment, où la Russie, après avoir rejeté de son sein les misérables restes de ces immenses armées qui avoient inondé son territoire, rendit au Très-haut de solennelles actions de grâces pour sa glorieuse délivrance, le général OUVAROFF, participant à toutes les affaires, n'a cessé de faire admirer en lui, une ardeur, un dévouement, un courage, dignes de la cause sacrée pour laquelle il combattoit.

En 1813, à l'évacuation de Lutzen, il est tous les jours au feu et fait échouer les puissants efforts, dont l'ennemi, à sa poursuite, s'est en vain promis les plus importants succès. A Bautzen, il commande tous les cuirassiers et une partie de la cavalerie Prussienne, signale de nouveau sa valeur dans le combat, et développe, à l'abandon de la position, les qualités d'un habile général. Pendant l'armistice, la cavalerie étant partagée en différents corps, il est appelé auprès de SA MAJESTÉ, qui, l'honorant de sa confiance, l'emploie sur les points les plus essentiels. Sous les murs de Leipsick,

chargé par L'EMPEREUR, son maître, de porter ses ordres sur toute la ligne, on le voit, sous le feu le plus formidable, affronter avec intrépidité tous les dangers, parcourir tous les points d'où partent les plus terribles coups portés à l'ennemi, exécuter, au milieu de tout ce fracas, de toutes ces horreurs, avec un sang-froid, un discernement, une précision admirables, l'honorable commission qui lui est confiée, et enfin, sur le champ de bataille même, recevoir de SA MAJESTÉ, dont il a rempli toutes les espérances, le glorieux rang de général de cavalerie.

En 1814, il participe à tous les combats. Tout ce qu'il a fait sous Leipsick, il le fait encore à Brienne, à Bar-sur-Aube, à Fer Champenoise, sous les murs de Paris, et entre, avec les armées Triomphantes, dans la capitale de la France, digne d'être compté au nombre des guerriers, dont les nobles efforts ont le plus contribué à faire parvenir les sauveurs de l'Europe à ce glorieux terme de leurs immortels travaux, honoré de la gratitude de ses concitoyens, de l'estime des armées Russes, et des troupes étrangères, dont quelques unes se souviendront d'avoir marché, sous sa conduite, dans le chemin de la gloire, et enfin comblé des marques les plus sensibles de l'Auguste bienveillance de tous les Monarques alliés.

P. de Rossi del.

J. Vendramini sculp.

Васильчиковъ.
Генералъ-Адъютантъ.

Wassiltzikoff,
Lieutenant-General.

Published October 1816 by J. Vendramini N° 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
ИЛАРІОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

ИЛАРІОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ Генераль-Лейтенантъ, орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1 й степени, Св. Георгія 2 й степени, Св. Владимира 2 й степени, Прусскаго Краснаго Орла большаго Креста, и Австрійскаго Ордена Маріи Терезіи Кавалеръ; родился въ 1776 году, вступилъ въ дѣйствительную службу въ 1792 году Лейбъ-Гвардіи въ конной полкъ Унтеръ-офицеромъ; произведенъ въ Корнеши въ 1793 году, въ Подпоручики въ 1796 мѣ, въ Поручики въ 1797 мѣ, въ Штабсъ-Ротмистры и въ Ротмистры въ 1798 мѣ, въ Каммергеры въ 1799 мѣ, въ Генераль-Маіоры и Генераль-Адъютанты въ 1801 мѣ, а въ 1812 году въ Генераль-Лейтенанты.

Въ Россійской арміи найдется мало именъ знаменитыхъ подобно имени Васильчикова. Сей Генераль, опличающійся скромностію, равно какъ и храбростію, всегда презиралъ искусство возвышать свои подвиги пышными реляціями и менѣе извѣстенъ нежели заслуживаетъ. Онъ наслаж-

дается самою прочною славою, ибо почитаемъ и любимъ своими сослуживцами, свидѣтелями его дѣяній и поступковъ. Бывъ назначенъ въ 1803 году Шефомъ Ахтырскаго Гусарскаго полка, онъ пекася о немъ съ неусыпнымъ спараніемъ, не полагая униженіемъ заниматься подробностями, которыя часто пренебрегаются гордость, щипая оныя занятиемъ людей обыкновенныхъ. Успѣхъ въ семъ дѣлѣ къ стыду надмѣнности совершенно оправдалъ расчетъ достойнаго Начальника. Спараніемъ Генерала Васильчикова Ахтырскій Гусарскій полкъ возвысился въ короткое время на степень отличнѣйшихъ Гусарскихъ полковъ и сдѣлался украшеніемъ Россійской конницы. Генераль Васильчиковъ совершилъ первый походъ въ 1807 году. Онъ былъ прикомандированъ къ корпусу Генерала Эссена, расположенному на берегахъ Нарева для прикрытія лѣваго крыла большой арміи, и хотя не могъ участвовать въ сей кампаніи, однако въ сраженіяхъ при Сѣроцкѣ 1 го Маія и при Пултускѣ 5 го сего же мѣсяца не пропустилъ случая оказать лично свою храбрость. Въ 1809 году Россійская армія, подъ предводительствомъ Князя Голицына, вступила въ Галицію для подкрѣпленія жителей Герцогства Варшавскаго противъ Австрійцевъ. — Генераль Васильчиковъ находился въ сей арміи, но Австрійцы избѣгали сраженій и вся кампанія кончилась безъ кровопролитія одними переходами. Наконецъ, въ 1812 году, вторженіе Наполеона въ Россію открыло Рускимъ Генераламъ обширное поприще славы. При началѣ сей кампаніи Генераль Васильчиковъ командовалъ аріергардомъ арміи Князя Баграціона во время славнаго и труднаго отступленія отъ Волковиска до Смоленска. 27 Іюня при мѣстечкѣ Мирѣ онъ получилъ лестную награду за труды свои при сформированіи Ахтырскаго полка, ибо первыми успѣхами Россійской Кавалеріи обязаны мы сему полку. Сии успѣхи имѣли большое

вліяніе на всю кампанію, страхомъ наведеннымъ на непріятельскую конницу. 11 го Іюля Генераль Васильчиковъ соревновалъ въ храбрости и неустрашимости съ Генераломъ Раевскимъ. Но не смотря на чудесное мужество, оказанное въ семъ случаѣ нашими войсками, должно было уступить многочисленности и твердой позиціи, и дано было повелѣніе отступить къ Дашковкѣ. Генералу Васильчикову поручено было прикрыть сіе отступление, и онъ исполнилъ сіе съ большимъ присутствіемъ духа и съ необыкновеннымъ искусствомъ. Всѣ усилія непріятели, для приведенія въ безпорядокъ Рускихъ, были отражаемы съ потерей. — По присоединеніи Князя Баграціона при Смоленскѣ къ первой арміи, подвинулись впередъ къ Руднѣ. Генераль Васильчиковъ начальствовалъ авангардомъ корпуса Князя Баграціона, состоявшимъ лѣвую коллону, и первый извѣстилъ о переходѣ Наполеона чрезъ Днѣпръ къ Смоленску. По оставленіи сего города, когда Рускіе продолжали отступать по большой Московской дорогѣ, часто поручали ему начальство надъ аріергардомъ арміи Князя Баграціона. 26 го Августа при Бородинѣ, корпусъ Генерала Раевского, занимавшій одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, противъ котораго направлялись важнѣйшія усилія Французовъ, удивилъ непріятелей геройскимъ сопротивленіемъ; Генераль Васильчиковъ командовалъ тогда 12ю дивизіею сего корпуса. Неустрашимый, спокойный въ среди ужаснѣйшей сѣчи, въ величайшемъ огнѣ, въ которомъ ранены были подъ имъ нѣсколько лошадей и одна убила, онъ самъ получилъ нѣсколько ранъ, кои однакожь не принудили его оставить мѣсто сраженія, и не воспрепятствовали въ слѣдующіе дни безпрестанно ѣздить верхомъ. Когда Рускіе пожертвовали оставленіемъ Москвы спасенію Отечества, весь аріергардъ большой арміи перешелъ подъ начальство Генерала Раевского; Кавалерія же его

*

и передовые посты под начальство Генерала Васильчикова. Сентября 4 го и 7 го онъ выдержалъ довольно значущее сраженіе при Панкѣ; 5 го и 6 го во время перехода Русской арміи съ Коломенской дороги на Калужскую, Генераль Васильчиковъ имѣлъ славу прикрыть сей фланговой маршъ, отъ котораго зависѣло спасеніе Россіи, и всей Европы. Онъ маневрировалъ съ такимъ искусствомъ и точностью, что совершенно скрылъ движеніе арміи отъ непріятеля, котораго авангардъ устремился по большой дорогѣ, въ увѣреніи, что слѣдуетъ за главною арміею. — Въ сраженіи 5 го и 6 го Октября, командуя 4 мъ корпусомъ Кавалеріи, который въ то время поступилъ подъ его начальство, совершилъ онъ многія щасливыя нападенія на правое крыло непріятеля. Сей корпусъ, составляя часть большаго авангарда Графа Милорадовича, былъ употребляемъ съ большимъ успѣхомъ въ преслѣдованіи Французовъ, кои отъ Малаго Ярославца решировались къ Смоленску. 22 го Октября подъ Вязмою происходило довольно важное сраженіе; Генераль Васильчиковъ съ одною своею Кавалеріею началъ дѣло въ восемь часовъ утра, и продолжалъ оное съ удивительнымъ упорствомъ до десяти часовъ вечера, къ которому времени подоспѣла пѣхота и содѣйствовала совершенному пораженію непріятеля. — По переправѣ чрезъ Днѣпръ при Копысѣ, Генералу Васильчикову снова поручено было начальство надъ авангардомъ главной арміи; но при всей быстротѣ своихъ движеній, не могъ онъ настигнуть непріятеля, который бѣжалъ съ удивительною поспѣшностью. Прибывъ въ Вильну, получилъ онъ повелѣніе идти къ Вѣлоспоку, занимаемому еще Княземъ Шварценбергомъ. Онъ вступилъ съ Княземъ въ переговоры, въ слѣдствіе которыхъ Австрійцы должны были оставить Россію. Онъ шелъ вслѣдъ за ними до Варшавы. —

Въ 1813 году Генераль Васильчиковъ служилъ въ аріер-гардѣ арміи, отступавшей отъ Люцена къ Эльбѣ. 9 Маія при Бауценѣ, въ званіи Генераль-Адъютанта, находился онъ при особѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. — Когда Графъ Паленъ, командовавшій аріергардомъ арміи, былъ раненъ, предводительство надъ онымъ препоручено было Графу Сентъ-Пріесту и Генералу Васильчикову, кои имѣли небольшія сраженія 15 го Маія при Голдбергѣ и 16 го при Яуерѣ. Перемиріе, заключенное между тѣмъ, остановило на нѣкоторое время военныя дѣйствія. — При возобновленіи брани, Генераль Васильчиковъ командовалъ авангардомъ корпуса Генерала Сакена, составлявшаго правое крыло Силезской арміи, и поспѣшилъ преслѣдовать Французовъ, которые отступали отъ Кацбаха на Боберъ. 6 го Августа выгналъ онъ непріятеля изъ Лигница. 7 го, корпусъ Генерала Сакена атаковалъ и разбилъ непріятеля при Кайзерсвальдѣ. Генераль Васильчиковъ былъ въ семъ сраженіи легко раненъ; сверхъ того ранена подъ нимъ лошадь. Онъ преслѣдовалъ непріятеля до Томасвальда, а на другой день до Бунцлау. Движеніе Бонапарта, который шелъ лично съ многочисленнымъ войскомъ противъ Генерала Блюхера, заставило Силезскую армію уклониться къ Кацбаху, и Генераль Васильчиковъ прикрывалъ отступление Генерала Сакена отъ Бунцлау до окрестностей Лигница. 14 го Августа онъ особенно отличился, оказавъ въ сраженіи при Кацбахѣ важнѣйшія услуги. Успѣхами сего знаменитаго дня наиболѣе обязаны атакамъ конницы, кои повелѣно было ему произвести противъ лѣваго крыла непріятеля. — Въ одну атаку опьялъ онъ 42 пушки, опрокинулъ непріятельскую Кавалерію, и тѣсня ее съ боку и съ тылу, нагналъ на собственную ея пѣхоту, которую привела она въ безпорядокъ. Сіе дѣйствіе рѣшило побѣду, и непріятельская армія была опрокинута въ раз-

лившіяся Кацбахскія воды. — 22го Августа Генераль Васильчиковъ принялъ начальство надъ авангардомъ всей Силезской арміи, и преслѣдовалъ непріятеля, отступавшаго къ Бауцену. 24го, когда Наполеонъ со многочисленными силами присоединился къ Макдональду, и Французы двинулись впередъ, Генераль Блюхеръ, не разсудивши заблаго принять сраженіе и рѣшившись, перейти чрезъ Нейсу и Квейсу, предоставилъ Генералу Васильчикову прудное прикрытіе сего движенія. Успѣхи показали, что никто не могъ исполнить сихъ препорученій съ большимъ искусствомъ, и не смотря на превосходныя силы, прошивъ него Бонапартомъ выставленныя, онъ переправился чрезъ Нейсу безъ важной потери. — 15го Сентября при Просенгеймѣ имѣлъ онъ сшибку съ непріятельскою Кавалеріею, разбилъ ее и взялъ много плѣнныхъ. — Когда Силезская армія получила повелѣніе соединиться съ Кронъ-Принцемъ Шведскимъ, Генераль Блюхеръ поспѣшилъ опять Бауцена къ Герцбергу и Фессену. Для прикрытія сего перехода, поручено было Генералу Васильчикову съ авангардомъ Генерала Сакена идти на Мейсенъ, гдѣ непріятель занималъ мостовое прикрытіе на правомъ берегу Эльбы. 17го и 18го Сентября Генераль Васильчиковъ, дѣйствуя на оное прикрытіе, 24мя двенадцатифунтовыми пушками, много способствовалъ сильною атакою и искуснымъ своимъ распоряженіемъ, успѣлъ обмануть непріятеля въ направленіи похода Генерала Блюхера. — 4го, 5го, 6го и 8го Октября, при Лейпцигѣ, оказалъ онъ новые знаки своей неуспрашимости и дарованій; особенно же 5е число было для него знаменито. Бригада его корпуса, подъ командою брата его Генераль-Маіора Дмитрія Васильевича Васильчикова, совершила блистательную атаку, которую едвали можно сравнить съ самыми славными въ продолженіе всего похода. Опрокинувъ непріятельскую Кавалерію, прошиву-

стоявшую ему, сей храбрый Генераль гналъ бѣгущихъ сквозь ихъ пѣхотныя колонны до самаго предмѣстія Лейпцига; взялъ множество въ плѣнъ, опіялъ пять пушекъ и привезъ ихъ, не смотря на огонь непріятельской пѣхоты, сквозь которую онъ долженъ былъ возвращаться для соединенія съ своимъ корпусомъ. На другой день знаменитаго сраженія Генераль Васильчиковъ получилъ приказаніе съ своею Кавалеріею преслѣдовать непріятеля, и 8 го Октябрия его козаки опрѣзали при колонны при Маркъ-Раншпешъ, 2100 чело-вѣкъ были взяты въ плѣнъ, а остальные побиты. Въ 1814 году, 17 го Января въ сраженіи при Бриеннѣ, онъ командовалъ Кавалеріею Генерала Сакена, и 18 го соединившись съ Графомъ Паленомъ, прикрывалъ отступленіе Генерала Блюхера къ Баръ-сюръ-Обу. 20 го въ Бриенскомъ сраженіи, напавъ съ своею Кавалеріею на непріятельскія батареи, опрокинулъ онъ конницу, которая ихъ защищала и овладѣлъ 20 ю пушками, взятыми Генераломъ Юрковскимъ, который коман-довалъ Александрійскимъ Гусарскимъ полкомъ, бывшимъ тогда подъ его начальствомъ. 28 го Января Генераль Сакенъ атаковалъ и разбилъ корпусъ Макдональда при Ферше-су-Жуарѣ; въ семь дѣлъ Генераль Васильчиковъ командовалъ пѣхотою корпуса Князя Щербатова, который за болѣзнію принужденъ былъ на короткое время сдать начальство. 30 го при Монъ-Миралѣ Генераль Васильчиковъ оказалъ снова свою храбрость и искусство и въ ночь послѣ сраженія, при-крывалъ отступленіе до Вифорта. — Обстоятельства за-трудняли сіе дѣло, и преодоленіе препятствій еще усугу-било его заслуги. 25 го Февраля подъ Краономъ вся Кавале-рія Наполеона бросилась на Генерала Васильчикова и всею своею силою готовилась его раздавить. Сопропвленіе казалось невозможнымъ, но оно было необходимо. Видя крайность, Генераль Васильчиковъ, съ мужествомъ и рѣдкимъ

искусствомъ въ маневрахъ, противъ чрезвычайной непріятельской силы, успѣлъ ее удержать и дать арміи время отступити къ Лаону. 25 го онъ находился въ сраженіи, данномъ подъ симъ городомъ. 13 го Марта при Феръ-Шампенуазѣ Генераль Васильчиковъ началъ дѣло съ одною своею Кавалерією; онъ нападалъ нѣсколько разъ и выдерживалъ всю силу сраженія, доколѣ не подоспѣла Кавалерія главной арміи, для увѣичанія дѣла совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. Сіе славное сопротивленіе, оказанное Генераломъ Васильчиковымъ, было послѣднимъ дѣйствіемъ при окончаніи войны, которая началось у Москвы, а кончилась подъ Парижемъ.

Освобожденіе Россіи, вознесеніе славы ея оружія, возстановленіе благоденствія Европы, избавленіе Франціи отъ ига жесточайшаго пирана, и возведеніе на престоль законныхъ Государей—вотъ славныя послѣдствія сей брани! Учасіе въ сихъ полезныхъ подвигахъ и трудахъ, было для Генерала Васильчикова самою лестною наградою. Служить Отечеству и быть полезнымъ человѣчеству во всякое время было единственною его цѣлію. Сподвижники безпрестанно говорятъ о его дѣлахъ, и съ воспоргомъ разглашаютъ ихъ; но онъ о нихъ о нихъ не упоминаетъ. Всѣ воздають ему лестное свидѣтельство, что слава его тѣмъ опличіе, что онъ для достиженія оной употреблялъ однѣ свои заслуги.

HILARION, FILS DE BASILE,
WASSILTZIKOFF,
LIEUTENANT-GÉNÉRAL, AIDE-DE-CAMP.

HILARION, FILS DE BASILE, WASSILTZIKOFF, Chevalier de St.-Alexandre-Newsky 1ère classe; de St.-Georges 2me; de St.-Wladimir 2me; de Marie Thérèse d'Autriche; Grand-croix de l'aigle rouge de Prusse; né en 1776, commença son service actif, comme sous-officier dans le régiment de la garde à cheval, en 1792. Cornette en 1793; sous-lieutenant, en 1796; lieutenant, en 1797; capitaine en second puis capitaine, en 1798; chambellan, en 1799; général-major, aide de-camp, en 1801; Il fut élevé, en 1812, au grade de lieutenant-général.

Peu de noms aussi recommandables dans l'armée Russe que celui de WASSILTZIKOFF. Si ce général, modeste autant que valeureux, qui a toujours dédaigné l'art de relever le prix de ses actions par le prestige de relations pompeuses, est moins connu qu'il ne mérite de l'être, par cette classe nombreuse, dont la lecture des bulletins fixe seule l'opinion, il jouit de la gloire plus solide d'être admiré et chéri de ses compagnons d'armes, témoins de sa conduite et de ses faits. Nommé, en 1803, commandant du régiment des Hussards Achtirka, il s'en occupa avec un zèle infatigable, ne croyant pas s'abaisser, en descendant à des détails que trop souvent la vanité repousse, parce qu'elle

les regarde comme le partage exclusif de la médiocrité. Le succès, en cette occasion, justifia pleinement, à la honte de la vanité, la calcul du vrai mérite : Par les soins de WASSILTZIKOFF, le régiment Achtirka s'éleva, en très-peu de tems, au rang le plus distingué, parmi ces admirables régiments de Hussards, l'ornement et la gloire de la Cavalerie Russe. WASSILTZIKOFF fit ses premières armes, en 1807. Employé dans le corps du général Essen, laissé sur la Narrew, pour couvrir la gauche de la grande armée, il ne put prendre part aux grands événements de cette campagne; cependant les combats de Sierok, le 1er Mai, et de Pultusk, le 4 du même mois, lui fournirent l'occasion, qu'il ne laissa pas échapper, de se distinguer personnellement. En 1809, une armée Russe, aux ordres du Prince Gallitzin, pénétra en Gallicie, pour soutenir, contre l'Autriche, les Polonois du Duché de Varsovie. WASSILTZIKOFF servit dans cette armée; mais les Autrichiens évitant tout engagement, la campagne se passa en Marches, et sans effusion de sang. Enfin, en 1812, l'invasion de la Russie par Napoléon ouvrit aux généraux Russes un vaste champ de gloire. Dès le commencement de cette campagne, WASSILTZIKOFF commanda l'arrière-garde du Prince Bagration; Il la commanda pendant toute cette retraite, si admirable en raison de ses prodigieuses difficultés, prolongée depuis Volkovisk jusqu'à Smolensk. Le 27 Juin, à Mir, il eut la douce satisfaction de recueillir le fruit de ses travaux dans la formation du régiment Achtirka. C'est principalement à ce régiment que l'on dut le premier succès obtenu par la Cavalerie Russe, succès qui eut une influence marquée sur toute la campagne, par la terreur qu'il inspira à la Cavalerie ennemie. Le 11 Juillet, à Soultanoffka, WASSILTZIKOFF rivalisa d'intrépidité avec Raefski, dont l'intrépidité passa toute croyance. Mais en vain les troupes Russes firent des prodiges de valeur; Il fallut céder au nombre, et à la force de la position; on se retira sur Dachkoffka. WASSILTZIKOFF, chargé de couvrir cette retraite, exécuta cette pénible commission, avec le

calme le plus parfait, et l'habileté la plus rare: Tous les efforts de l'ennemi pour entamer les Russes furent repoussés avec perte. Le Prince Bagration ayant enfin réussi à effectuer, à Smolensk, sa jonction avec la grande armée, les deux armées réunies se portèrent en avant, vers Roudnia. WASSILTZIKOFF, conduisant l'avant-garde de Bagration, qui formoit la colonne de gauche, donna la première nouvelle de la marche de Napoléon, par la gauche du Dniéper, sur Smolensk. Après l'évacuation de cette ville, les Russes continuant leur retraite sur la grande route de Moscou, il fut souvent chargé de commander l'arrière-garde du Prince Bagration. Le 26 Août, à Borodino, le corps de Raefski, occupant un des points contre lesquels furent dirigés les plus puissants efforts des François, frappa l'ennemi d'étonnement et d'admiration, par la résistance héroïque qu'il lui opposa. WASSILTZIKOFF commandoit alors la 12me division de ce corps. Intrépide et calme au milieu des dangers les plus épouvantables, sous le feu le plus meurtrier, qui blessa sous lui plusieurs chevaux, dont un tomba mort sur la place, il reçut lui-même plusieurs blessures, qui ne purent le forcer à quitter le champ de bataille, ni l'empêcher de paroître les jours suivants toujours à cheval. Quand le sacrifice le plus grand, le plus pénible pour le patriotisme des Russes, mais commandé par leur patriotisme même, eût été consommé par l'évacuation de Moscou, toute l'arrière-garde de la grande armée passa sous le commandement de Raefski; Sa Cavalerie et ses avant-postes sous celui de WASSILTZIKOFF. Le 4 Septembre, il soutint un combat d'arrière-garde assez considérable, près de Panki, et les 5 et 6, l'armée Russe se portant de la route de Kalomna sur celle de Kalouga, il eut la gloire de couvrir cette marche de flanc, premier principe du salut de la Russie, du salut même de toute l'Europe. Il manœuvra, dans cette occasion, avec tant de précision et d'habileté, qu'il réussit complètement à dérober les mouvements qu'il protégeoit, à l'ennemi dont l'avant-garde poussa par la grande route, se croyant toujours sur les traces de la

grande armée. A l'affaire du 6 Octobre, il exécuta avec succès, contre la droite de l'ennemi, plusieurs charges brillantes, à la tête du 4me corps de Cavalerie, qui venoit de passer sous ses ordres. Ce corps, faisant partie de la grande avant-garde du général Miloradovitsch, fut encore avantageusement employé à la poursuite des François, qui de Malo-Yaroslavetz se retiroient sur Smolensk. Le 22, Viasma fut le théâtre d'un combat assez important. WASSILTZIKOFF, avec sa seule Cavalerie, engagea l'affaire, à 8 heures du matin, et la soutint jusqu'à dix, avec une étonnante opiniâtreté, qui donna à l'infanterie le tems d'arriver, et de fournir, par sa puissante coopération, les moyens de décider la défaite de l'ennemi. Après le passage du Dniéper, à Copys, WASSILTZIKOFF fut de nouveau chargé de commander l'avant-garde de la grande armée; mais quelque rapide que fût sa marche, il ne put atteindre l'ennemi, qui fuyoit avec une célérité sans exemple. Arrivé à Vilna, il reçut l'ordre de se porter sur Biolystok, encore occupé par le Prince de Schwartzemberg. Il entama avec ce Prince une négociation, dont le résultat fut l'évacuation du territoire Russe par les Autrichiens. Il les suivit dans leur retraite sur Varsovie.

En 1813, Il servit dans l'arrière-garde de l'armée, qui de Lutzen se retiroit sur l'Elbe. Le 9 Mai, à Bautzen, en sa qualité d'aide-de-camp général, il étoit auprès de la personne de SA MAJESTÉ. Le comte Pahlen, qui commandoit l'arrière-garde de l'armée, ayant été blessé, la conduite de cette arrière-garde fut confiée au Comte de Saint-Priest et au général WASSILTZIKOFF, qui eurent de petits combats à soutenir, le 15 près de Goldberg, et le 16 près de Janer. L'armistice, signé à cette époque, suspendit, pour quelque tems, les hostilités. A la reprise des opérations, le général WASSILTZIKOFF, commandant l'avant-garde du corps de Saken, qui formoit la droite de l'armée de Silésie, marcha à la poursuite des François, qui, de la Katzbach, se retiroient sur le Bober. Le 6 Août, il chasse l'ennemi de Liegnitz.

Le 7, le corps de Saken attaqua et défit Marmont à Kaiserwalde. WASSILTZIKOFF, qui, dans ce combat, eut un cheval blessé sous lui, et le fut lui-même, mais légèrement, poursuivit l'ennemi jusqu'à Thomaswalde, et le lendemain jusqu'à Buntzlau. Le mouvement de Buonaparte, qui se porta en personne, avec des forces supérieures, contre Blucher, forçant alors l'armée de Silésie à se replier vers la Katzbach, la retraite de Saken fut couverte de Buntzlau, jusqu'aux environs de Liegnitz, par WASSILTZIKOFF. Le 14 Août, il se couvrit de gloire, en rendant, à la bataille de la Katzbach, les plus importants services: Le succès de cette mémorable journée fut principalement dû à la charge de cavalerie qu'il exécuta sur la gauche des ennemis. Dans une seule attaque, il enlève 42 canons, renverse la cavalerie ennemie, qui, prise en flanc et à dos, est rejetée sur son infanterie et la met en déroute. La victoire est décidée, et l'armée ennemie culbutée dans les eaux débordées de la Katzbach. Le 22, il commande l'avant-garde de toute l'armée de Silésie, et poursuit l'ennemi dans sa retraite sur Bautzen. Le 24, Napoléon, avec des forces considérables, se réunit à Macdonald, et les François se reportent en avant. Blucher ne juge pas à propos d'accepter la bataille; Il prend la résolution de repasser la Neisse et la Queisse, et laisse WASSILTZIKOFF chargé de la difficile commission de couvrir cette opération. Le succès prouva qu'on ne pouvoit la confier à un général plus habile: Toutes les forces que Napoléon déploya contre lui ne purent l'empêcher de repasser la Neisse, sans essuyer une perte considérable. Le 15 Septembre, engagé, près de Grossenhayn, avec un corps de cavalerie ennemie, il le battit, et lui enleva un grand nombre de prisonniers. L'armée de Silésie ayant reçu à cette époque, l'ordre de se joindre au Prince Royal de Suède, Blucher marcha de Bautzen sur Hertzberg et Jessen. Pour couvrir cette marche, WASSILTZIKOFF, avec l'avant-garde de Saken se porta sur Meissen, où l'ennemi occupoit une tête de pont, à la droite de l'Elbe. Les 17 et 18 Septembre,

canonant cette tête de pont, avec 24 pièces de 12, il contribua puissamment, par la chaleur de cette attaque, et par l'adresse de ses feintes démonstrations, à donner le change à l'ennemi, sur la direction que prenoit Blucher. Les 4, 5 et 6 Octobre, à Leipsick, il donna de nouvelles preuves de son intrépidité et de ses talents. Le 5 surtout fut pour lui une brillante journée: Une brigade de son corps, sous la conduite du général-major, DMITRI WASSILTZIKOFF, son frère, exécuta une charge, à laquelle on ne sauroit comparer aucune des charges les plus brillantes, exécutées pendant tout le cours de cette guerre. Après avoir culbuté la cavalerie ennemie, qui lui étoit opposée, ce brave général poussa les fuyards, à travers leurs colonnes d'infanterie, jusqu'au Faubourg de Leipsick, fit grand nombre de prisonniers, enleva cinq canons, et parvint à les amener à son corps, malgré le feu de l'infanterie ennemie, qu'il dut traverser une seconde fois, pour le rejoindre. Le lendemain de la grande bataille, WASSILTZIKOFF reçut ordre de marcher, avec sa Cavalerie, à la poursuite de l'ennemi, et le 8 Octobre ses cosaques réussirent à en couper trois colonnes, près de Mark-Ranstadt. 2,100 hommes furent pris; tout le reste périt. En 1814, le 7 Janvier, au combat de Brienne, il commanda la cavalerie du général Saken, et le 18, conjointement avec le comte Pahlen, il couvrit la retraite de Blucher sur Bar-Sur-Aube. Le 20, à la bataille de Brienne, chargeant des batteries avec sa Cavalerie, il culbuta la Cavalerie ennemie qui les protégeoit, et resta maître de 20 canons, qui furent enlevés par le général Jourkoffsky, commandant alors, sous ses ordres, le régiment d'Alexandrie. Le 28 Janvier, Saken attaqua et battit le corps de Macdonald, à la Ferté sous Jouarre. Dans cette affaire, WASSILTZIKOFF commandoit l'Infanterie du corps du Prince Scherbatoff, qui, malade alors, s'étoit vu forcé de se démettre, pour quelque tems, de son commandement. Le 30, à Mont-Mirail, il signala de nouveau son intelligence et sa valeur, et, dans la nuit qui suivit le combat, couvrit encore la retraite jusqu'à Vifort. Les circon-

stances rendoient cette opération extrêmement difficiles; les difficultés vaincues ne firent qu'ajouter au mérite du succès le plus complet. Le 23 Février, à Craone, toute la Cavalerie de Napoléon, marchant contre WASSILTZIKOFF, devoit l'écraser par ses masses. La résistance paroissoit impossible, mais elle étoit nécessaire. Ne consultant que la nécessité, opposant l'intrépidité la plus étonnante et la plus rare habileté dans les manœuvres, à l'énorme supériorité en nombre de l'ennemi qu'il avoit à combattre, il parvint à l'arrêter, et à donner ainsi à l'armée le tems de se retirer à Laon. Le 25, il se trouva à la bataille livrée près cette ville. Le 13 Mars, à Ferre-Champenoise, il engagea l'action avec sa Cavalerie seule, chargea à plusieurs reprises, et soutint tout le poids du combat, jusqu'au moment où la Cavalerie de la grande armée arriva, pour couronner, par la déroute complète de l'ennemi, cette glorieuse résistance, dernier service rendu par WASSILTZIKOFF, à la fin d'une guerre, dont Moscou avoit été le théâtre, et dont Paris fut le terme. La Russie délivrée, la gloire de ses armes élevée au faite de la gloire humaine, le salut de l'Europe assuré, la France soustraite au joug du plus cruel des tyrans, et rendue au gouvernement paternel de ses légitimes Souverains, en sont les glorieux résultats. Tant de bien opéré par de si grands travaux, auxquels WASSILTZIKOFF avoit pris une part si distinguée, en fut pour lui la plus douce récompense. Patriote zélé, guerrier humain, servir son pays et être utile aux hommes, fut en tout tems l'unique but de ses actions. Le récit de ses travaux est sans cesse dans la bouche de ses compagnons d'armes; Ils se plaisent à les publier, parce qu'il est lui-même scrupuleusement soigneux de les taire. Tous lui rendent cet honorable témoignage, que sa gloire est d'autant plus pure, que, pour l'obtenir, il ne connut jamais d'autre moyen que de la mériter.

P.^a de Rosso del.^o

J.^o Vendramini sculp.^o

Потемкинъ
Генералъ Майоръ.

Potemkin
General Major Aide-de-Camp.

Published October 1816 by J.^o Vendramini N.º 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЪ - МАІОРЪ

ЯКОВЪ АЛЕКСѢВИЧЪ

ПОТЕМКИНЪ

ЯКОВЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ, Генераль - Адъютантъ, Кавалеръ орденовъ Св. Георія 3й степени Св. Владимира 3й степ. Св. Анны 1й степ. имѣеть золотую шпагу съ надписью: за храбрость, Кавалеръ Австрійскаго военнаго ордена Маріи Терезіи и Прусскихъ Краснаго Орла 2й степ. и желѣзнаго креста. Родился 16 Октябрю 1778 года; воспитывался въ Цажескомъ корпусѣ, произведенъ въ Поручики Лейбъ-Гвардіи въ Конной полкъ 17 Маія 1799 года, оппудя перешель Лейбъ Гвардіи въ Егерской полкъ 9 Марша 1801 года, произведенъ въ Штабсъ Капитаны 10 го Марша 1803 года, въ Капитаны 6 го Октябрю 1804 года, въ Полковники въ 1805 году; въ Январѣ 1811 года назначенъ Шефомъ 48 го Егерскаго полка, въ Генераль - Маіоры произведенъ въ 1812 мѣ году, а 18 го Марша 1814 года наименованъ Генераль-Адъютантомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Блистательная смѣлость, неутомимая ревность, быстрый и вѣрный военный глазомѣръ, копорыми Генераль По-

Шемкинъ во всю свою службу непрерывно опличался, доставили ему во всей арміи имя опличнѣйшаго слуги Россіи. Онъ имѣлъ выгоду въ первую войну служить въ Лейбъ-Гвардіи Егерскомъ полку, коего неуспрашимость превосходится всѣ похвалы, ему приписываемыя. Недовольно было раздѣлять блистательную славу своего корпуса: онъ хотѣлъ еще лично опличиться въ полку, коего слава была предметомъ благороднаго соревнованія для всей арміи; сколь ни трудно было сего достигнуть, но онъ преодолѣлъ всѣ затрудненія. Онъ былъ въ первый разъ въ сраженіи противъ непріятеля 20 го Ноября 1805 года при Аустерлицѣ и заслужилъ орденъ Св. Владимира 4й степени. Въ кампаніи 1807 года въ Пруссіи, онъ сражался при Гутшматѣ и Ломитенѣ, атаковалъ опрядъ, защищаемый лѣсомъ, вырубивъ оный и прочистивъ себѣ дорогу, преслѣдовалъ непріятеля до другаго берега рѣки, и получилъ въ награду за столь знаменитыя дѣла ордена Св. Георгія 4й степени и Пруссійскій за заслуги. 29 го и 30 го при Гейльсбергѣ, онъ оказалъ новыя услуги въ защищеніи лѣсу на рѣкѣ Аллѣ. 29 го Іюня при Фридландѣ вступилъ онъ въ сраженіе съ своимъ полкомъ въ 4 часа утра, атаковалъ лѣсъ, находился цѣлый день въ огнѣ, прикрывая отступленіе, и награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью: за храбрость.

Въ 1808 мѣ году въ Финляндіи командовалъ онъ опрядомъ Гвардіи, 2 го Іюня въ сраженіи при Винерѣ и Юкомахѣ, 10, 13 го, 14 го го и 19 го при Куопіо. — Въ сіе время, можетъ быть болѣе, нежели въ другихъ походахъ, онъ ясно оказалъ, что нѣтъ для него невозможнаго, когда отъ него зависить истинная выгода его отечества. Не лѣзя было сомнѣваться въ его неуспрашимости и презрѣннй опасности, кои онъ уже подалъ довольно вѣрныя доказательства; но можно ли было ожидать силы, побѣждающей самую природу

силы, которую онъ умѣлъ извлечь изъ пламеннаго чувства своей должности, и пылкой ревности, къ защищенію тѣхъ выгодъ, кои ему были поручены. Онъ выдержалъ при Коніо, въ продолженіи 9 ти дней, всѣ нападенія превосходныхъ силъ непріятельскихъ, превозмогъ чрезвычайныя затрудненія и всѣ ужасы бессонницы и голода. Блистательные успѣхи 19 го Іюня увѣнчали сію геройскую защиту. Онъ узналъ, что непріятель долженъ его атаковать превосходными силами; соединилъ свои, чтобы дать время непріятелю избрать мѣсто высадки; потомъ пошелъ на него, атаковалъ его, разбилъ и послалъ опрядъ, чтобы опрѣзать опшупленіе побѣжденнымъ. Всѣ, кои вышли на берегъ, были убиты, переранены или взяты въ плѣнъ. Куоніо оспашаея за Русскими, которые не имѣютъ болѣе нужды опасаться, чтобы непріятель возобновилъ предпріятіе, коего первые опыты ему столь дорого стоили; а побѣдитель заслужилъ орденъ Св. Владимира 3 й степени. Въ Январѣ 1811 года назначенъ онъ былъ Шефомъ 48 го Егерскаго полка.

Въ 1812 мѣ году, представилось свѣту ужаснѣйшее зрѣлище, самое оскорбительное для рода человѣческаго: почти вся Европа вооружилась, чтобы утвердить царство своего угнетателя, для уничтоженія державы, которая небыло опредѣлена была для избавленія шолкаго числа народовъ, противъ нее соединенныхъ. Сія держава, вѣрная всѣмъ добродѣтелямъ, сохраняющимъ царства, пребыла непоколебимою единственно вѣрностію къ Богу и своему Царю. и наконецъ, возстановивъ честь человѣчества, шоль гнусно униженнаго, и поддержавъ пожертвованіями, приверженностію и храбростію, свою независимость, освободила всю Европу. Посреди безчисленныхъ чудесъ, произведенныхъ святымъ пламенемъ любви къ Отечеству, восплавленнымъ во всѣхъ

*

Русскихъ сердцахъ, при видѣ многочисленныхъ бѣдствій, кои ей угрожали; Пошемкинъ, по должному справедливому признанію всѣхъ его сослуживцевъ, умѣлъ заслужить оплічье своими подвигами. Онъ командовалъ опрядомъ, составившимъ авангардъ 2го корпуса, опъ вступленія Французовъ въ Россію до приближенія къ Свенціянамъ; тамъ его опрядъ присоединился къ авангарду всей арміи и ему поручено было командовать всею легкою пѣхотою. Онъ ею начальствовалъ при Свенціянахъ и въ сраженіяхъ кои происходили на походѣ опъ сего гѣрода до деревни Долголѣски. 11го, 12го и 13го Іюня при Вишебскѣ, Руднѣ и Порѣчѣ; 5го, 6го и 7го при защищеніи Смоленска. — За сраженіе при Вишебскѣ, въ которомъ онъ прикрывалъ отступленіе до Смоленска, произведенъ онъ былъ въ Генераль-Маіоры. 5го при Смоленскѣ посланъ онъ былъ для занятія предмѣстья, откуда онъ выгналъ непріятеля. 6го въ 5ть часовъ утра Генераль Барклай де Толли поручилъ ему, всячески стараться о сохраненіи позиціи еще на девять часовъ, полагая, что болѣе нельзя было прѣбывать; напрасно непріятель соединилъ свои силы, чтобы выгнать изъ предмѣстья Генерала Пошемкина; онъ въ немъ держался до 11хъ поръ, пока не получилъ даннаго въ шесть часовъ вечера повелѣнія его оставить. 7го Русскіе оставили свою позицію предъ городомъ; непріятель сталъ между ихъ арміею и аріергардомъ. Генераль Пошемкинъ, чувствуя всю важность сего прѣнѣшствія, безъ оплагательства, не получивъ еще приказанія, съ двумя Егерскими и 6го Гусарскими полками бросился прямо къ городу, напалъ съ пылу на непріятеля и принудилъ его лѣвое крыло къ отступленію, чѣмъ и открылъ проходъ Русскому аріергарду, который одолженъ сему храбромъ Генералу средствомъ соединиться съ арміею и спасти 80 пушекъ. Послѣ сраженій 24го и 26 Августа при

Бородинѣ, которые покрыли Русскихъ безсмертною славою, и въ которыхъ онъ раздѣлялъ всѣ опасности и труды, 27 го онъ былъ отправленъ съ 4 мя полками Егерей для присоединенія къ Гешману Платову и для прикрытія отступленія. 28 го сражался онъ при Можайскѣ; 29 го назначенъ начальникомъ главнаго Штаба авангарда Генерала Милорадовича между Можайскомъ и Вязмою, и получилъ приказаніе сдѣлать послѣднія усилія для сохраненія занимаемой позиціи. Никогда еще приказанія не были лучше совершаемы. Онъ ходилъ на непріятеля шесть разъ въ штыки, истребилъ дивизію молодой гвардіи, взялъ позицію занятую непріателемъ, и принудилъ его къ отступленію, такъ, что онъ не смѣлъ на другой день возобновить сраженія. 1 го, 2 го и 3 го Сентября подъ стѣнами Москвы, 12 го при Диснѣ 15 го при деревнѣ Красной Пахрѣ; 26 го при деревнѣ Вороновкѣ; 21 го при деревнѣ Паскѣ и наконецъ при Тарушинѣ 20 Сентября и 6 го Октября, въ первые дни ужаснаго ищенія Русскихъ, коего щасливое начало ознаменовано было истребленіемъ непріятельской кавалеріи, онъ оказывалъ непрерывно самыя рѣдкіе воинскіе таланты, неутомимое терпѣніе въ трудахъ, рѣдкую способность къ распоряженіямъ, хладнокровіе и удивительную неуспрашимость въ опасностяхъ. Сии заслуги были награждены орденомъ Св. Анны 2 й степени алмазами украшеннымъ. 11 го, 12 и 13 го Октября при Маломъ Ярославцѣ; 22 го подъ Вязмою; 24 го при Дорогобужѣ; 3 го, 4 го, 5 и 6 го Ноября подъ городомъ Краснымъ; во всѣхъ сихъ сраженіяхъ и незабвенныхъ дняхъ, въ которыхъ Русской авангардъ нанесъ непріятелю столь гибельные удары, Генералъ Пошемкинъ дѣлалъ все, чего только можно было ожидать отъ Начальника главнаго Штаба, искуснаго, неутомимаго и неуспрашимаго, и получалъ въ награду за свои храбрые подвиги орденъ Св. Анны

1 й степени; потомъ преслѣдовалъ непрітеля до Вильны, гдѣ 22 го Ноября ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изъявилъ ему снова самымъ лестнымъ образомъ свое Высочайшее удовольствіе, препоручивъ ему командованіе славнымъ Лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ.

Въ 1813 мѣ году 20 го Апрѣля былъ въ сраженіи при Люценѣ; 8 го и 9 го Мая при Бауценѣ, за кои получилъ орденъ Прусскаго Краснаго Орла 2 й степени; при проходѣ чрезъ дефилеи ошъ Бергисгубеля, который долженъ онъ былъ совершить съ своимъ полкомъ для вступленія въ Саксонію, въ сраженіи 16 го Августа предъ Пирною и въ опшступленіи шѣми же дефилеями, присовокупилъ къ безчисленнымъ прежнимъ доказательствомъ своей неустрашимости и искусства, новые лавры. 17 го Августа въ 4 часа утра Графъ Остерманъ ему препоручилъ командованіе аріергардомъ близъ деревни Нолендорфа, на горѣ сего имени. Ревностью, искусствомъ и усердіемъ онъ споспѣшествовалъ успѣхамъ сего дѣла, котораго благородная смѣлостъ показала бы слѣною отважностью, еспьлибъ оно не было произведено въ дѣйство Графомъ Остерманомъ, Начальникомъ Россійской Гвардіи. Храбрый Графъ не переставалъ опшдывать Генералу Пошемкину справедливой похвалы за его заслуги. При выходѣ изъ узкихъ проходовъ, онъ прикрывалъ опшступленіе до шѣхъ поръ, пока аріергардъ не вошелъ въ линію. Тогда Генераль Пошемкинъ принялъ главное начальство надъ своимъ полкомъ, по спаршинству командовалъ первю линію, и употребилъ все искусство, чшобъ обойти правое крыло непріателя и занялъ сильнѣйшую въ горахъ позицію. Онъ сражался прошивъ корпуса Вандама, который занималъ деревню Кульмъ. Генераль Пошемкинъ имѣлъ щастіе видѣть, что безсмертные подвиги 17 го Августа, въ коихъ онъ принималъ столь важное участіе, увѣчались на

другой день разбиіемъ и испребленіемъ непріятельскаго корпуса и взятіемъ въ плѣнь Вандама, и сверхъ того получилъ въ награжденіе за свои подвиги вдругъ, орденъ Св. Георгія 3й степени, Австрійской Маріи Терезіи и Прусской желѣзнаго креста, доказательство, что его заслуги въ сію знаменитую эпоху доставили ему уваженіе и милость Союзныхъ Монарховъ. Наконецъ 4го и 6го Октября онъ участвовалъ подъ сѣнами Лейпцига въ совершенномъ освобожденіи Германіи, совершившемся съ шолкими прудами, въ коихъ Генераль Пошемкинъ содѣйствовалъ спольотличнымъ образомъ. Но Франціи степенала еще подъ игомъ своего незаконнаго властелина.

Въ 1814мъ году 1го Января Русскіе перешли чрезъ Рейнъ, и вступили во Францію. Генераль Пошемкинъ совершилъ весь сей походъ, командуя своимъ полкомъ и на высотахъ Монъ-Маршра въ незабвенный день 18го Марша, который открылъ союзникамъ врага Парижа и далъ народамъ вѣрнѣйшій залогъ благополучія, въ увѣренности видѣшь низложеніе хищника и возстановленіе законнаго Государя и въ возвращеніи ихъ древнихъ правъ. Онъ получилъ послѣднюю и лестнѣйшую награду за все свои подвиги, бывъ наименованъ Генераль-Адьютантомъ Избавителя Европы.

JACQUES, FILS D'ALEXIS, POTEMKIN,

GÉNÉRAL-MAJOR, AIDE-DE-CAMP.

JACQUES, FILS D'ALEXIS, POTEMKIN, Chevalier des ordres de St.-Georges, 3me classe; de St.-Wladimir, 3me; de Ste.-Anne, 1ère; de l'épée d'or pour la bravoure;— de Marie Thérèse d'Autriche;— de l'aigle rouge 2me classe., et de la croix de fer de Prusse; né le 16 Octobre 1778; élevé au corps des pages; lieutenant dans la garde à cheval, le 17 Mai, 1799; puis dans le régiment des chasseurs de la garde, le 9 Mars, 1801; capitaine en second, le 10 Mars, 1803; capitaine, le 6 Octobre, 1804; colonel, le 31 Mars, 1805, toujours dans le même régiment; chef du 48me régiment de chasseurs, en Janvier 1811; a été élevé, en 1812, au grade de général-major, et nommé, le 18 Mars, 1814, aide-de-camp général de SA MAJESTÉ.

Le courage brillant, le zèle infatigable, le coup d'œil militaire, aussi sûr que prompt, dont le général Potemkin n'a cessé, dans toute sa carrière, de donner les preuves les plus éclatantes, lui ont assuré, dans toute l'armée, la réputation d'un des serviteurs les plus distingués de la Russie. Il eut l'avantage de faire ses premières Campagnes dans le régiment des chasseurs de la garde, dont l'intrepidité si vantée est encore au-dessus des éloges qu'on lui pro-

digue. Cet avantage n'étoit pas sans inconvénient: Il ne pouvoit lui suffire de partager la brillante renommée de son corps; il falloit encore qu'il acquit une gloire personnelle dans un régiment, dont la gloire étoit l'objet d'une noble émulation pour toute l'armée. Que de difficultés à vaincre pour y parvenir! il sut en triompher. Il marcha, pour la première fois, à l'ennemi, le 20 Novembre 1805, à Austerlitz, et y mérita la croix de St.-Wladimir 4me classe.

Dans la Campagne de Prusse, en 1807, il combat à Gutstadt et à Lomithen. Il attaque un retranchement flanqué par un bois en abattis, l'emporte, poursuit l'ennemi de l'autre côté de la rivière, et reçoit, pour prix de ce brillant fait d'armes, la croix de St.-Georges 4me classe, et celle de Prusse pour le mérite. Le 29 et le 30, à Heilsberg, il rend de nouveaux services, en défendant le bois sur la rivière d'Al. Le 20 Juin, à Friedland, dès quatre heures du matin, il entre en affaire, avec son régiment, attaque un bois, reste au feu toute la journée, couvre la retraite, et est décoré de l'épée d'or pour la bravoure.

En 1808, en Finland, il commande un détachement des gardes, le 2 Juin à l'affaire de Vipéra et à celle de Yaougomaki, les 10, 13, 14 et 19 à Kuopio. C'est à cette époque, peut-être, plus qu'en aucune autre circonstance de sa vie militaire, qu'il fut évidemment prouvé que rien d'essentiellement utile à sa patrie ne lui est impossible. On ne pouvoit douter de son intrépidité à affronter le danger; il en avoit déjà donné des preuves trop certaines; mais pouvoit-on s'attendre à cette force supérieure à la nature, qu'il sut tirer du profond sentiment de son devoir, de son zèle ardent pour la défense des intérêts qui lui étoient confiés? il tint à Kuopio, pendant 9 jours, contre les efforts de l'ennemi, contre des fatigues excessives, contre les horreurs même de l'insomnie et de la faim. Le plus brillant succès couronne, le 19, la défense la plus héroïque. Il est instruit que l'ennemi doit l'attaquer avec des forces supérieures; Il concentre les

siennes, pour lui donner le temps de décider le point de son débarquement; puis se porte sur ce point, attaque, bat, et fait marcher un détachement, pour couper la retraite au vaincu. Tout ce qui a mis pied à terre est blessé, tué ou pris. Kuopio est assuré aux Russes, qui n'ont plus à craindre de voir renouveler une entreprise, dont les premiers essais ont coûté si cher à l'ennemi, et mérité à son vainqueur la croix de St.-Wladimir 3me classe.

En Janvier 1811, il est nommé chef du 48me régiment de chasseurs. En 1812, lorsque le spectacle le plus épouvantable, le plus humiliant pour l'humanité, fut donné au monde, par l'Europe presque entière, armée pour assurer l'empire de son oppresseur, pour anéantir la puissance destinée par le ciel à sauver tant de peuples réunis contre elle; Lorsque cette puissance, douée encore de toutes les vertus conservatrices des empires, par cela seul qu'elle étoit restée inviolablement attachée à son Dieu et à son Prince, rétablit l'honneur de l'humanité si honteusement compromis, et à force de sacrifices, à force de dévouement et de courage, préluda si glorieusement, par le maintien de son indépendance, à la délivrance de toute l'Europe; au milieu des prodiges sans nombre, opérés par la sainte émulation, allumée dans tous les Russes pour la défense de la patrie, à la vue des maux incalculables dont elle étoit menacée, ПОТЕМКИН, c'est une justice que lui rendent tous ses compagnons d'armes, sut mériter que l'on distinguât ses travaux. Il commanda un détachement, formant l'avant-garde du 2me corps, depuis l'entrée des François en Russie jusqu'à Sventziani. Là, son détachement s'étant incorporée à l'avant-garde de toute l'armée, il fut chargé de commander toute l'infanterie légère. Il la commanda à l'affaire de Sventziani même, et à toutes celles qui eurent lieu, depuis cette ville, jusqu'au village de Dolynilischki, Les 11, 12 et 13 Juin à Vitepsk, à Roudnia et à Poretschié, les 5, 6 et 7 à la défense de Smolensk. Pour l'affaire de Vitepsk, d'où il couvrit la retraite jusqu'à Smolensk, il fut élevé au

grade de général-major. Le 5, à Smolensk, envoyé pour reprendre le Faubourg, il en chasse l'ennemi. Le 6, à 5 heures du matin, le général Barclai lui recommande, avec instance, de tout faire pour maintenir sa position, pendant 9 heures encore; et c'est tout ce que le chef des armées croit à peine possible. En vain l'ennemi multiplie ses efforts, pour déloger du Faubourg, le général Potemkin; Il en reste maître jusqu'au moment où il reçoit l'ordre de l'évacuer, donné à 6 heures du soir. Le 7, les Russes quittent leur position devant la ville; l'ennemi, traversant la campagne, se porte entre leur armée et leur arrière-garde. Le général P O T E M K I N sent toute l'importance d'une diversion; Il n'hésite pas; sans en avoir reçu l'ordre, avec deux régiments de chasseurs et six de hussards, il marche sur la direction de la ville, attaque l'ennemi à dos, le force à replier son aile gauche, et à ouvrir un passage à l'arrière-garde Russe, qui doit ainsi à ce brave général le moyen de rejoindre l'armée, et de sauver 80 pièces de canons. Après les affaires du 24 et du 26 à Borodino, qui couvrirent les Russes d'une gloire immortelle, et dont il partagea tous les dangers et les travaux, le 27, il est laissé seul, avec 4 régiments de chasseurs, pour se réunir à l'Hetman Platoff, et couvrir la retraite. Le 28, il combat à Mojaïsk; le 29, jour où il est nommé chef d'état-major de l'avant-garde, commandée par le général Miloradovitsch, entre Mojaïsk et Vesoma, il reçoit ordre de faire les derniers efforts, pour se maintenir dans la position qu'il occupe. Jamais ordre ne fut mieux exécuté: Il charge 6 fois à la bayonnette, détruit une division de la jeune garde, reprend la position déjà occupée par l'ennemi, qui, forcé à la retraite, n'ose le lendemain se représenter au combat. Les 1er, 2 et 3 Septembre, sous les murs de Moscou; le 12, près de la Disna; Le 15, au village de Krasnaia Pakra; Le 20, au village de Voronovo; Le 21, au village de Pask; enfin à Taroutino, le 21 Septembre et le 6 Octobre, première journée de la terrible vengeance des Russes, dont l'heureux prélude fut la destruction de la cavalerie

ennemie, il développa successivement, souvent même simultanément, les plus précieuses qualités guerrières, patience invincible dans les travaux, rare habileté dans les dispositions, sang-froid et intrépidité admirables dans les dangers, et mérita d'être décoré de la croix de Ste.-Anne, 2me classe, en diamans. Les 11, 12 et 13 Octobre, à Malo-Yaroslavetz; le 22, à Viasma; le 24, à Dorogobousch; les 3, 4, 5 et 6 Novembre, devant Krasnoi; sur tous ces théâtres, dans toutes ces mémorables journées, où l'avant-garde Russe porta à l'ennemi de si terribles coups, le général P O T E M K I N fit tout ce qu'on peut attendre d'un chef d'état-major aussi habile qu'infatigable et intrépide, et reçut, pour prix de sa glorieuse conduite, la croix de Ste.-Anne, 1ère classe; puis marcha à la poursuite de l'ennemi, jusqu'à Vilna, où, le 22, S A M A J E S T É lui prouva de nouveau, de la manière la plus flatteuse, combien elle étoit satisfaite de ses services, en lui confiant l'honorable commandement de son régiment des gardes de Séménovski.

En 1812, la bataille du 20 Avril, à Lutzen; celles du 8 et du 9, à Bautzen, qui lui méritèrent la décoration de l'aigle rouge de Prusse 2me classe; Le passage des défilés de Berghieshubel, qu'il effectua avec son régiment, pour pénétrer en Saxe; l'affaire du 16 Août, devant Pirna et la retraite par les mêmes défilés, venoient d'ajouter de nouveaux titres aux titres nombreux sur lesquels étoit déjà si solidement établie sa réputation militaire, lorsque, le 17 à 4 heures du matin, le comte Osterman lui confia le commandement de l'arrière-garde, près du village de Nöllendorf, sur la montagne de ce nom. Le zèle, l'habileté, le courage, avec lesquels il concourut au succès d'une opération, dont la noble hardiesse auroit passé pour une aveugle témérité, si elle n'eût été tentée par le comte Osterman, à la tête des gardes Impériales, lui méritèrent les glorieux témoignages que le brave comte n'a cessé depuis de rendre à son mérite. Au débouché des défilés, il protégea la retraite, jusqu'au moment, où l'arrière-garde

rentra dans la ligne. Alors il se mit à la tête de son régiment, commanda la première ligne, à titre d'ancienneté, manœuvra avec habileté, pour tourner la droite de l'ennemi et prendre une plus forte position dans les montagnes, combattit contre le corps de Vandamme qui occupoit le village de Culm, et outre l'avantage de voir les immortels exploits de cette journée du 17, auxquels il avoit pris une si glorieuse part, couronnés le lendemain par la défaite, la destruction du corps ennemi, et la prise du chef qui le commandoit, il eut encore la flatteuse jouissance, d'apprendre, en recevant tout à la fois l'ordre de St.-Georges 3me classe, celui de Marie Thérèse d'Autriche, et la croix de fer de Prusse, que ses services à cette mémorable époque lui avoient mérité l'estime et la bienveillance des monarques alliés. Enfin, les 4 et 6 Octobre, il vit consommer, sous les murs de Leipsick, la délivrance de l'Allemagne, préparée par tant de travaux, auxquels il avoit participé d'une manière si distinguée. Mais la France gémissoit encore sous le joug de l'usurpateur.

En 1814, le 1er Janvier, les Russes passèrent le Rhin, pour pénétrer en France. Le général ПОТЕМКИН fit toute cette campagne, à la tête de son régiment, et sur les hauteurs de Mont-Martre, dans cette immortelle journée du 18, qui ouvrit aux alliés les portes de Paris, et donna aux peuples le gage le plus certain de leur bonheur, dans l'assurance de voir briser le fléau de l'usurpation, et rétablir la souveraineté légitime dans la jouissance de ses droits imprescriptibles, il reçut le dernier prix, le prix le plus flatteur de toutes ses actions: Il fut nommé aide-de-camp général du sauveur de l'Europe.

P. de Rossi del.

J. Vendramini sculp.

*Сунягинъ,
Генералъ-Майоръ.*

*Sipiagin,
Général-Major.*

Published October 1816 by J. Vendramini N.º 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЪ - МАІОРЪ

НИКОЛАЙ МАРТЪЯНОВИЧЪ

СИПЯГИНЪ

НИКОЛАЙ МАРТЪЯНОВИЧЪ СИПЯГИНЪ, Генераль-Маіоръ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль-Адъютантъ, Кавалеръ орденовъ, Св. Георгія 3 й степени, Св. Анны 2 й степени алмазами украшенной, Св. Владимира 3 й и 4 й степени, имѣетъ золотую шпагу съ надписью: за храбрость и серебряную медаль за 1812й годъ, также Кавалеръ орденовъ Австрійскихъ: Маріи Терезіи и Св. Леопольда 2 й степени, Прускаго ордена за заслуги и Баварскаго Военнаго Максимиліана.

Родился въ Костромской Губерніи въ 1785мъ году и былъ записанъ въ военную службу Сержантомъ Лейбъ-Гвардіи въ Измайловской полкъ. Въ 1790мъ году, для окончанія наукъ поступилъ въ Морской Кадетской корпусъ, въ 1796мъ году опять Сержантомъ Лейбъ-Гвардіи въ Измайловской полкъ; въ 1798мъ перешелъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1799 году по прошенію уволенъ для опредѣленія въ военную службу. Бывъ записанъ въ 1800 году Лейбъ-

Гвардіи въ Семеновской полкъ рядовымъ съ галуномъ, произведенъ былъ въ томъ же году въ Унтеръ-офицеры, въ 1801 мѣ въ Под-прапорщики; въ 1804 мѣ въ Прапорщики, въ 1806 году въ Подпоручики и баталіонные Адъютанты; въ Поручики въ 1807 мѣ; назначенъ полковымъ Адъютантомъ въ 1808 мѣ; въ Штабсъ-Капитаны въ 1809 мѣ; въ Капитаны въ 1811 мѣ; въ Полковники въ 1812 мѣ, въ Генераль-Маіоры въ 1813 мѣ году; а въ 1814 мѣ пожалованъ въ Генераль-Адъютанты ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Николай Маршьяновичъ Сипягинъ, на тридцатомъ году отъ роду имѣлъ знаменитыя чины; Генераль-Маіора, Генераль-Адъютанта ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Начальника Главнаго Штаба Гвардейскаго корпуса и сими званіями одолженъ онъ своимъ трудомъ и поведенію. Онъ служилъ наилучшимъ примѣромъ для молодыхъ людей, которые занимаются военнымъ искусствомъ. Посвятивъ себя съ молодыхъ лѣтъ военной службѣ, онъ къ щасстью не имѣлъ сей опасной увѣренности, которую дають часто могущіе защитники; онъ рано почувствовалъ, что долженъ ожидать всего только отъ самаго себя, и былъ увѣренъ, что единственное средство къ достиженію славы, есть вѣрная служба Государю и отечеству. При любви къ званію, которому онъ посвятилъ себя; при твердомъ намѣреніи переносить съ неусыпнымъ стараніемъ все опасности и труды, онъ имѣлъ лестную надежду заслугами получить славныя отличія, которыми украшены самыя усердныя слуги отечества. Успѣхъ совершенно оправдалъ его надежду; постоянное его прилежаніе, рачительность въ исполненіи должности, пріобрѣли ему благоволеніе Начальниковъ и вниманіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Онъ въ первой разъ выступилъ въ походъ въ 1805 мѣ году противъ Французовъ, но въ сей непродолжительной войнѣ не могъ имѣть

случая оказать свою храбрость; только въ кровопролитномъ Аусперлицкомъ сраженіи онъ былъ раненъ пулею въ правую руку и получилъ конузію въ бокъ. Въ 1807 мѣ году въ Пруссіи Сипягинъ находился въ кровопролитныхъ сраженіяхъ 24го и 25го Мая при Гушшанѣ, 29го при Гейльсбергѣ и 2го Іюня при Фридландѣ. Миръ, тогда заключенный, казался ему только перемиріемъ, за которымъ должна была послѣдовать ужаснѣйшая изъ войнъ, какую Россія когда либо вела—война, въ которой дѣло шло о священнѣйшихъ ея правахъ, о славѣ, благоденствіи и независимости. Пятнадцать, предшествовавшихъ сей ужасной эпохѣ, употребилъ онъ для приведенія себя въ состояніе жертвовать болѣе нежели храбростью и жизнью своему отечеству, въ сей рѣшительной брани, когда, при вѣпорженіи соединенныхъ силъ всей Европы, оно, послѣ упованія на помощь Бога, могло надѣяться только на любовь, мужество и искусство своихъ дѣшей. Сипягинъ посвящилъ праздное отъ службы время, чтенію древнихъ и новыхъ писателей о военномъ искусствѣ, на которомъ основана безопасность Государства. Сими приготовленіемъ служилъ отечеству, онъ уже служилъ ему, и оно не оспалось безъ награжденія. Въ 1811 мѣ, году съ начала назначенъ онъ былъ въ Флигель-Адъютанта къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и вскорѣ потомъ произведенъ въ Капитаны. Въ началѣ похода 1812 года находился Сипягинъ при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЫСОЧЕСТВѢ Цесаревичѣ Великомъ Князѣ КОНСТАНТИНѢ ПАВЛОВИЧѢ, по отбытіи же ЕГО ВЫСОЧЕСТВА, былъ онъ при Князѣ Багратионѣ, а потомъ при Свѣплѣйшемъ Князѣ Кутузовѣ Смоленскомъ, которой его имѣлъ при себѣ въ продолженіи сего времени, знаменитаго по важнымъ происшествіямъ и по множеству кровопролитныхъ сраженій. 26го Августа при Бородинѣ, въ ужаснѣйшей битвѣ нашего вре-

*

мени; потомъ 22 го Сентября при деревни Чернишной и особенно 12 го Октябрю при Маломъ Ярославцѣ, Сипягинъ, жертвуя вездѣ собою, предавался съ мужествомъ въ величайшія опасности. Многократныя потери принудили непріятеля искать своего спасенія въ бѣгствѣ, котораго ужасы никогда неизгладятся изъ памяти людей. Россійская армія маневрировала на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ: авангардъ Генерала Милорадовича тѣснилъ его, опрокидывалъ и истреблялъ безпрестанно. Сипягинъ является въ сей авангардъ и участвуешь въ его опасностяхъ и успѣхахъ, при пораженіи Даву и Вице-Короля Италійскаго; отличаетъ своею храбростью 3 го Ноября при деревни Ржавкѣ; 4 го при селѣ Мерлинѣ; 5 го близъ села Уварова и наконецъ 6 го при городѣ Красномъ, гдѣ армія Маршала Нея совершенно истреблена. Награда за толикія заслуги ожидала его въ Вильнѣ. По пріѣздѣ Сипягина въ сей городъ, пожалованъ онъ былъ въ Полковники и два дни спустя назначенъ былъ Начальникомъ Шпаба при авангардѣ. Сипягинъ отличнѣйшимъ образомъ оправдалъ выборъ въ сіе лестное званіе: чрезвычайныя его спаранія, неутомимая дѣятельность, успѣли поддерживать величайшій порядокъ среди столь трудныхъ дѣлъ, гдѣ казался онъ необходимымъ. Сипягинъ былъ въ то же время употребленъ въ особенныя и важныя порученія, по случаю тайныхъ переговоровъ съ Австрійскими Начальниками о занятіи Варшавы. Блокада крѣпости Глогау, переходъ авангардныхъ войскъ чрезъ Королевство Саксонское, могли бы увеличить воинскую славу Сипягина; но мы упоминаемъ только о важнѣйшихъ подвигахъ, и спѣшимъ приближиться къ послѣдствіямъ сраженія при Люценѣ. Франція, поработенная Бонапартомъ, выставила снова большое войско подъ начальство тирана. Предводительствуя сею арміею, подкрѣпленною еще Нѣмецкими вой-

сками, шелъ онъ съ поспѣшностью на встрѣчу Союзникамъ, намѣреваясь дать сраженіе, коего успѣхъ рѣшилъ бы всю кампанію. Предводители союзныхъ войскъ, узнавши о семъ шествиі, сосредоточили свои силы при Эльбѣ. — Будучи уже ободренъ мнимымъ успѣхомъ и желая воспользоваться благопріятствующимъ ему мгновеніемъ, Бонапарте за ними слѣдовалъ съ необъятыми силами, въ ихъ опсупашельномъ движеніи. Онъ подвинулъ впередъ свой авангардъ въ 60 тысячъ человекъ, отрядилъ большіе корпуса въ право и въ лѣво и ускорилъ свой ходъ съ невѣроятною дерзостью, чѣмъ пріобрѣсть рѣшительной успѣхъ. — Союзникамъ необходимо нужно было время для устройства своихъ войскъ и подкрѣпленія ихъ башарями, противъ столь спрашной атаки; чѣмъ прикрыть сіе дѣйствіе, малочисленному но мужественному авангарду, въ которомъ Сипягинъ командовалъ главнымъ Штабомъ, подъ командою Графа Милорадовича, поручено было держаться всѣми силами, не взирая на малые способы противъ ужаснаго и сильнаго нападенія непріятелей. Сей авангардъ доказалъ, что надежда на его храбрость была нещепная. Онъ сопротивлялся непріятелю на каждомъ шагу съ удивительнымъ упорствомъ, и непріятель не могъ подвинуться впередъ, безъ величайшей потери. Не говоря о ежедневныхъ сшибкахъ, упомянемъ только о важнѣйшихъ сраженіяхъ: 23-го Апрѣля при мѣстечки Вельдхеймъ, 24-го при Альсдорфѣ, 26-го по дорогѣ отъ Носсена къ Вильсдруфу, 27-го при переправѣ чрезъ рѣку Эльбу, 29-го при деревнѣ Вейсигѣ, 30-го въ окрестностяхъ Бишофсверда; 3-го Мая между селеніемъ Ромъ-Наустницъ и городомъ Бауценомъ, гдѣ Сипягинъ командовалъ двумя полками Егерей и отрядомъ козаковъ. Мая 8-го и 9-го въ общемъ сраженіи подъ городомъ Бауценомъ, 10-го въ жестокое авангардномъ дѣлѣ при Рейхенбахѣ, 11-го снова

между Герлицомъ и Лаубаномъ и 12 го подъ самимъ Лаубаномъ. Всѣ сии дни ужасовъ были дни славы Сипягина; онъ первый являлся на полѣ сраженія и послѣдній его оставлялъ. Днемъ находился онъ въ сраженіяхъ, а ночью при аванпослахъ, присматривая за непріятелемъ на пистолетный выстрѣлъ, или разставляя войска и раздавая повсюду, часто даже подъ ядрами и карпечью самыя нужныя и благо-разумныя приказанія. Храбрые свидѣтели его славныхъ подвиговъ отдають ему свидѣтельство, что не видали никогда въ столь щастливомъ соединеніи такихъ рѣдкихъ качествъ, дѣятельности, присутствія духа, осторожности и храбрости. 14 го и 15 го Августа при нападеніи на городъ Дрезденъ, 17 го и 18 го при Кульмѣ, онъ съ честью поддерживалъ лестное мнѣніе, которое армія уже о немъ имѣла, Генераль-Маіорскій чинъ наградила его за столь многія заслуги, когда онъ защищалъ славу знаменитыхъ дней 4 го и 6 го Октябрю при Лейпцигѣ; 2 го Марта при Арси-сюръ-Обѣ и наконецъ 18 го Марта подъ стѣнами Парижа. Въ семъ послѣднемъ дѣлѣ, которое открыло защитникамъ Европы столицу Франціи, Генераль Сипягинъ имѣлъ особую команду и заслужилъ снова уваженіе и благоволеніе своего Монарха, получивъ въ Парижѣ два лестнѣйшія въ томъ свидѣтельства. Онъ былъ назначенъ Генераль-Адъютантомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Начальникомъ Главнаго Штаба Гвардейскаго корпуса. Въ семъ послѣднемъ званіи, отличенно заслуженомъ, Генераль Сипягинъ не перестаетъ еще ежедневно оказывать важнѣйшія услуги, неутомимымъ стараніемъ исполнять всѣ должности, съ нимъ сопряженныя.

NICOLAS, FILS DE MARTIN,
SIPIAGIN,
GÉNÉRAL-MAJOR.

NICOLAS, FILS DE MARTIN, SIPIAGIN, Chevalier des ordres de St.-Georges, 3me classe; de Ste.-Anne ornée de diamans, 2me; de St.-Wladimir, 3me; de l'épée d'or avec cette inscription: pour la bravoure; — de Marie Thérèse; de St.-Léopold, 2me classe; — du Mérite de Prusse; — de l'ordre militaire de St.-Maximilien de Bavière; décoré de la médaille patriotique Russe de 1812; né dans le gouvernement de Kastroma, en 1785; est entré au service militaire, en 1790, sergent au régiment d'Ismailoff. Placé, en 1795, au corps des cadets de la marine, pour y achever ses études; rentré, en 1796, avec le même grade de sergent, dans le régiment d'Ismailoff; transféré, en 1798, au service du collège des affaires étrangères, d'où il demanda sa démission, en 1799, pour rentrer dans la carrière militaire; inscrit, en 1800, au régiment des gardes de Sémenovski, en qualité de simple soldat, avec la distinction du galon; sous-officier, la même année; bas-officier, en 1801; officier, en 1804; sous-lieutenant, et aide-de-camp du bataillon, en 1806; lieutenant, en 1807; aide-de-camp du régiment, en 1808; capitaine en second, en 1809; aide-camp de S. M. puis capitaine, en 1811; colonel, en 1812, il fut élevé, en 1813, au grade de général major, et nommé, en 1814, aide-de-camp général de SA MAJESTÉ.

NICOLAS SIPIAGIN, réunissant, dès l'âge de 29 ans, les glorieux titres de général-major, d'aide-de-camp de SA MAJESTÉ et de chef du principal corps d'état-major de ses gardes, titres, qu'il ne dut qu'à sa conduite et à ses travaux, est sans doute un beau modèle à proposer aux jeunes gens qui se destinent au noble métier des armes. Entrant dans la carrière militaire, dès sa plus tendre jeunesse, ce fut un bonheur pour lui de n'y point apporter cette dangereuse confiance, que donnent trop souvent de puissants protecteurs : Il sentit de bonne heure qu'il ne devoit compter que sur lui-même, et sûr, dès lors, de parvenir un jour à la gloire solide d'avoir bien servi son pays, que lui garantissoient d'avance son ardent patriotisme, son amour pour la profession qu'il embrassoit, sa ferme résolution d'en supporter, avec un zèle infatigable, tous les dangers, tous les travaux, il ne désespéra pas d'obtenir encore, par ses services, ces glorieuses distinctions, qui désignent et recommandent à l'estime de leurs concitoyens les plus zélés serviteurs de la patrie. Le succès a pleinement justifié ses espérances. Sa constante application, sa scrupuleuse exactitude dans l'accomplissement de tous ses devoirs, ne tardèrent pas à lui concilier la bienveillance de ses chefs, et le précieux avantage de fixer sur lui l'attention de SA MAJESTÉ. Il fit ses premières armes, en 1805, contre les François. La courte durée de cette campagne ne lui offrit qu'une seule occasion de signaler son courage ; elle ne la lui offrit pas en vain, dans la bataille meurtrière d'Austerlitz, dont il sortit avec une balle au bras droit, et une contusion au côté. En 1807 en Prusse, il se trouva dans les sanglantes affaires des 24 et 25 Mai, près Gutstadt ; du 29, près Heilsberg, et du 2 Juin, près Friedland. La paix, qui fut conclue alors, ne lui paroissant qu'une trêve, qui seroit infailliblement suivie de la guerre la plus épouvantable, dans laquelle la Russie eût jamais été engagée, guerre qui décideroit de ses intérêts les plus sacrés, de sa gloire,

de son salut, de son indépendance, il employa les cinq années qui précédèrent l'époque fatale qu'il avoit prévue, à se mettre en état d'offrir plus que son courage et sa vie, à sa patrie, dans la crise terrible, où, seule contre les forces réunies de presque toutes les puissances de l'Europe, elle n'auroit, après Dieu, de recours que dans l'amour, la valeur, et les talents de ses enfants. Il consacra à l'étude tout le loisir que lui laissoit le service, lisant, méditant sans cesse les ouvrages des écrivains, tant anciens que modernes, qui ont traité de l'art terrible, mais nécessaire, sur lequel repose la sûreté des empires. C'étoit déjà servir son pays, que de se préparer ainsi à le servir. Ce service préparatoire ne fut pas sans récompense: Il fut, en 1811, d'abord nommé aide-de-camp de SA MAJESTÉ, ensuite élevé au grade de capitaine. Placé, au commencement de la campagne de 1812, auprès de Monseigneur le Grand-Duc-Constantin, au départ de S. A. I., Il fut attaché au Prince Bagration, puis au Prince Koutouzoff, qui le garda auprès de lui, pendant un tems si mémorable par l'importance des événements, et la rapide succession des combats les plus sanglants. Dans les journées du 24 Août, près le village Séménovka, du 26, à Borodino, théâtre de la plus terrible bataille livrée de nos jours, du 22 Novembre, près le village tschernischoff, et surtout du 11 Octobre, à Malo-Jeroslavetz, Sipiagin, payant partout de sa personne, s'exposant avec intrépidité aux plus grands dangers, se montra éminemment doué de ces précieux talents, sans lesquels point de grand capitaine, et qui étoient en lui les fruits d'une heureuse nature, et du travail le plus opiniâtre dans le silence du cabinet. De nombreuses défaites ont enfin réduit l'ennemi à ne plus chercher son salut que dans une fuite, dont les épouvantables désastres ne sortiront jamais de la mémoire des hommes. L'armée Russe manœuvrant sur la gauche de l'ennemi, l'avant-garde de Miloradovitsch le presse, le culbute, l'écrase sans relâche; S I P I A G I N se rend à cette avant-garde, en

partage les dangers et les succès, coopère à la défaite de Davoust et du Vice-Roi d'Italie, signale sa valeur, le 3 Septembre, près Rgavka; le 4, près Merlino; le 5, près Ouvarova; et enfin le 6, près Krasnoe, où l'armée du maréchal Ney est anéantie. La récompense de tant de services l'attendoit à Vilna: à son arrivée dans cette ville, il fut promu au grade de colonel, et, deux jours après, nommé commandant du corps d'état-major de l'avant-garde. Il justifia, d'une manière brillante, le choix qu'on avoit fait de lui pour remplir un poste si honorable. Sa parfaite intelligence des détails, et son infatigable activité parvinrent à maintenir l'ordre le plus parfait, au milieu de tant d'affaires si difficiles, qui sembloient rendre le désordre inévitable. Il fut, dans le même tems, chargé d'une commission particulière et importante, relative aux relations secrètes avec les autorités Autrichiennes, et à la reddition de Varsovie. Le blocus de la forteresse de Glogau, la marche des troupes formant l'avant-garde par les états du Royaume de Saxe, pourraient nous fournir quelques titres à ajouter à tous ceux qui ont établi la réputation militaire du général SIBIAGIN, mais, nous bornant à publier les plus importants, nous nous hâtons d'arriver à la crise qui suivit la bataille générale, livrée dans les plaines de Lutzen. La France, toujours maîtrisée par la fortune de Buonaparte, avoit mis de nouveau une armée considérable à la disposition du tyran. A la tête de cette armée, renforcée encore par des troupes Allemandes, il marchoit, à la hâte, à la rencontre des alliés, résolu à livrer un combat dont l'issue décidât de celle de toute la campagne. Instruits de sa marche, les commandants des armées alliées réunissent concentriquement leurs forces au-delà de l'Elbe. Déjà encouragé par un succès apparent, et voulant profiter des faveurs du moment, il les suit avec d'immenses forces, dans leur mouvement rétrograde. Il pousse en avant son avant-garde de 60,000 h., détache des corps considérables sur la droite, en fait porter un sur la gauche, et précipite sa marche, avec une impétuosité et une témérité incroyables, pour

obtenir un succès décisif. Les alliés avoient besoin de gagner du tems, pour disposer leurs troupes, et les fortifier d'ouvrages en terre; contre la violence d'une attaque si formidable. Pour protéger ces opérations, leur avant-garde, peu nombreuse, mais forte de son héroïsme, et dont SÏPIAGIN commandoit l'état-major, fut chargée, sous les ordres du général Miloradovitsch, de tenir, malgré l'infériorité de ses moyens, contre le terrible choc des forces ennemies. Cette brave avant-garde a glorieusement prouvé qu'on n'avoit pas trop présumé de sa valeur. Chaque pouce de terrain, offrant le plus léger avantage, fut disputé pied à pied, avec une admirable opiniâtreté; l'ennemi ne put faire un pas en avant qui ne lui coûtât une lutte à outrance. Sans parler des escarmouches journalières, que de jours, dans cette horrible crise, marqués par d'importants combats! Le 23 Avril, près le bourg Volsdheim; le 24, près Atsdorf, le 26, sur le chemin de Nossène à Wilsdrouf; le 27, au passage de l'Elbe; le 29, près le village de Weis-sihe; le 30, dans les environs de Bischofswerder; le 3 Mai, entre le village de Rotnaustitz et la ville de Bautzen, où SÏPIAGIN commandoit deux régiments de chasseurs et un détachement de cosaques. Le 8 et le 9, affaire générale à Bautzen; le 10, affaire meurtrière d'avant-garde, près Reichenbach; le 11, nouveau combat, entre Herlitz et Laubane, et le 12, près Laubane même. Tous ces jours d'horreurs furent des jours de gloire pour SÏPIAGIN: paroissant le premier sur le champ de bataille, le quittant le dernier, le jour au combat, la nuit aux avant-postes, observant l'ennemi à la portée du pistolet, ou rangeant les troupes, et donnant partout, souvent même sous une grêle de balles et de mitraille, les ordres les plus précis et les plus sages, il mérita que les braves témoins de cette admirable conduite lui rendissent ce glorieux témoignage, qu'on ne vit jamais plus heureusement réunies, tant et de si précieuses qualités, l'activité, la présence d'esprit, la prudence et la valeur. Les 14 et 15 Août, à la reconnoissance de la ville de Dresde, et les 17 et 18, à Culm; il soutint

glorieusement l'honorable opinion que l'armée avoit déjà conçue de lui. Déjà le grade de général-major avoit récompensé tant de services, lorsqu'il partagea la gloire des célèbres journées du 4 et du 6 Octobre, devant Leipsick; du 2 Mars à Arcis Sur-Aube; et enfin du 18 sous les murs de Paris. Dans cette dernière affaire, qui ouvrit la capitale de la France aux sauveurs de l'Europe, SIERAGIN chargé d'un commandement particulier, ayant acquis, par sa conduite distinguée, de nouveaux titres à l'estime et à la bienveillance de son Souverain, en reçut dans Paris les deux témoignages les plus flatteurs, nommé tout à la fois Aide-de-camp général de SA MAJESTÉ, et chef du principal corps d'état-major de ses gardes. Dans ce dernier poste, récompense glorieuse de services déjà rendus, il ne cesse de rendre encore tous les jours les services les plus distingués, par son zèle infatigable à remplir tous les devoirs qu'il lui impose.

Сія галерея выходитъ шепрадами одна за другою. Каждая шепрадь составлена изъ пяти портретовъ и при каждомъ портретѣ находится текстъ на российскомъ и французскомъ языкѣ. Цѣна шепради для подписавшихся 50 р. изъ которыхъ половина должна быть заплачена впередъ, а для неподписавшихся особъ 75 рублей.

Экземпляры будутъ раздаваться по порядку подписки.

Первымъ писаніемъ оппечатаются всѣхъ сихъ портретовъ 20 только экземпляровъ. Цѣна симъ экземплярамъ первого писанія удвоится.

Издатели извѣщаютъ подписавшихся особъ, что трудность доставать сіи портреты, не позволяеть имъ представить ихъ публикѣ въ приличнѣйшемъ порядкѣ; но сія неудобность почти ничего не значить; ибо шепради не будутъ переплетены и всякой можетъ, послѣ послѣдней шепради, размѣстить всѣ сіи портреты по своему произволу.

Подписка принимается у книгопродавца Антонія Росини на Невскомъ проспектѣ противъ Казанской церкви; у купца Ивана Граби въ домъ Марса № 78 на Невскомъ проспектѣ и у грав ра Франца Вендромини въ домъ Древновскаго № 51 на правомъ берегу Мойки между Полицейскимъ и Конюшеннымъ мостомъ.

Особы, желающія видѣть рисунки, съ которыхъ портреты будутъ гравированы и удостовѣриться объ успѣхахъ сего изданія, могутъ, когда имъ угодно будетъ, пожаловать къ Францу Вендромини.

Три особы, которымъ поручено принимать подписки, оппѣчаютъ за полученные впередъ деньги.

Cette galerie paroît par cahiers successifs. Chaque cahier est composé de cinq portraits, et chaque portrait accompagné d'un texte, en russe et en français. Le prix du cahier est, pour les Souscripteurs, de 50 roubles, dont moitié doit être payée d'avance, et de 75, pour les personnes qui ne souscrivent pas.

Les exemplaires seront livrés suivant l'ordre des souscriptions.

On ne tire, de tous ces portraits, que vingt exemplaires avant la lettre. Le prix des exemplaires avant la lettre est le double du prix des autres.

Les éditeurs préviennent M.M. les Souscripteurs, que la difficulté de se procurer ces portraits les met dans l'impossibilité de les publier dans l'ordre le plus convenable; mais cet inconvénient est à-peu-près nul, puisque, les cahiers n'étant pas reliés, chacun pourra facilement, après la dernière livraison, transposer et classer tous ces portraits à son gré.

On souscrit chez ANTOINE ROSPINI, libraire, grande Perspective de Newsky, vis-à-vis l'église de Casan; chez JEAN GRABIT, marchand, maison Mars, n°. 78, grande Perspective de Newsky, et chez FRANÇOIS VENDRAMINI, graveur, maison Drewnosky, n°. 51, sur la rive droite du canal de la Moïka, entre le pont de police et celui des écuries.

Les personnes qui désireront voir les dessins, d'après lesquels les portraits seront gravés, et s'assurer des progrès de l'ouvrage, pourront, quand il leur plaira, se transporter chez FRANÇOIS VENDRAMINI.

Les trois personnes, chargées de recevoir les souscriptions, répondront de l'argent payé d'avance.
